

СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

18+

ДЛЯ ТЕБЯ ЭТИ ГОРЫ

НИКОЛАЙ СОГАКЯН

Николай Согакян
Для тебя эти горы

«ЛитРес: Самиздат»

2018

Согакян Н.

Для тебя эти горы / Н. Согакян — «ЛитРес: Самиздат», 2018

ISBN 978-5-532-98492-9

Поиски смыслов, неутолимая жажда странствий, встречи с необычными людьми. Стандартный набор для писателя? Усилим. Психоделический рок, неугомонный фанк, неистовый протест, пьянящий дух молодости. Соул, меланхолия и алкоголь. Ускользящая красота для мечтателей. Выстроенное, как джазовая импровизация, путешествие вглубь сознания, постоянное движение и роуд-муви из одной страны в другую. Затяжной прыжок из Сан-Франциско в Ереван. Новые созвучия старого мира. Нетривиальный взгляд на фактуру известных городов. А что ещё? Природа. Бог. Любовь. Родина. Всё заключено в этой книге. Для тебя эти горы, читатель. Содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-532-98492-9

© Согакян Н., 2018
© ЛитРес: Самиздат, 2018

Содержание

USA	5
Running away	5
I	5
II	6
III	7
IV	9
V	11
VI	12
VII	15
VIII	17
IX	22
X	23
XI	24
XII	27
XIII	29
XIV	30
XV	32
Staying Long	37
I	37
II	39
III	40
IV	42
V	45
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Николай Согакян

Для тебя эти горы

USA

Running away

I

Мы живём в Беркли. На Уитни-стрит так тихо, что я не знаю, жив ли вообще. Сегодня мы переставили надувные матрасы на втором этаже. Я больше не сплю в гробу. Ханна – тоже. Гроб – это там, где потолок опускается по диагонали вниз так, что можно стоять только на коленях. Этот гроб – подходящее место для молитвы, но плохое для секса. Впрочем, здесь я ещё ни разу не молился по-настоящему. Молитвы – апельсиновый сок по утрам. И шампанское. Святой дух – за барной стойкой. Сегодня у нас в меню сангрия и мимоза. Для особо верующих есть водка, но лучше с этим повременить.

Я сейчас пишу всё это, но скоро прервусь на запечённую картошку с тушёной курицей. Мне надоело слушать нелепую симфонию голода в желудке: скрипачи фальшивят, виолончель не настроена, контрабасист и вовсе потерял чувство ритма, а пианист перепутал тональность. Майкл зовет к столу. Он творит чудеса на кухне – в готовке он настоящий профи. Ещё Майкл умеет привлекать к себе внимание. Он старается говорить по-русски, но его с головой выдаёт американский акцент, и что бы он ни пытался сказать – выходит смешно.

– Фактически всё готово, фактически. Help yourself¹, пожалуйста, спасибо.

Он говорит «спасибо» пять раз в секунду. Такая назойливость порядочно действует на нервы, поэтому теперь я ненавижу вежливость. Впрочем, если бы не наш галантный повар, мы бы жрали землю. Майкл – вагон-ресторан и оптовый магазин продуктов. Кухонный комбайн с маленькими жучьими глазками, выдающими в нём одессита. К тому же он знает слово «шлемазл» и сыплет в жратву кошерную соль. В Одессе таких почти не осталось.

Я стараюсь понять, почему русские, как и все остальные, уезжают сюда, слетаются как мухи на американский континент, где, как всем им кажется, никогда не заканчивается «золотая лихорадка». Отчасти по этой причине я сюда и приехал. Вот уже полгода, как я живу здесь и узнаю о том, что происходит в России, издалека. Вспоминаю Илью. Как он бьётся в истерике и паникует, думает, что в России ему приходится выживать, вместо того, чтобы жить. Он смотрит на Америку с открытым ртом, из которого вываливается мокрый язык. Когда он увидел небоскрёбы по видеосвязи, его хватил удар. Он чуть не расплакался. Илья считает, что здесь он будет почти задаром покупать телефоны и ноутбуки, а знойные американки будут покачивать задом, проходя мимо и намекая, что он должен засадить им немедленно, прямо на Маркет-стрит, посреди бела дня. Если тоскливая русская действительность выбросит его на обочину и переправит в Америку, то бедняга попросту сойдёт с ума: глаза вылезут из орбит, зрачки из глаз, а член из штанов. Но месяц эйфории закончится. А то и раньше: зависит от того, сколько Илья накопил. Он поймёт, что лучше прекратить давиться мечтами. По слухам, одурманенных идиотов, в том числе из России, здесь тысячи. Но вместо них я чаще встречаю работяг, профессионалов, арендующих квартиры и дома в лучших районах Сан-Франциско:

¹ Угощайся – англ.

они дружелюбны и не заносчивы. Возможно, русские – одни из самых успешных эмигрантов, оказавшихся на севере Калифорнии. По крайней мере, других русских я ещё здесь не видел. Кроме нашей коммуны.

Мы живём молча. Разговариваем за ужином, раз в неделю выходим вместе покурить. У каждого из нас – своя история, воспоминания, утраты и мало побед. Все мы убежали прочь. Даже если никто в этом не признаётся. Мои друзья сделали студенческую визу и уехали в США, бросив университеты. Ютились в подвалах маленьких городков в штате Миннесота, зарабатывали гроши, убирали столы, мыли посуду, побирались и крутились на вертеле, накопили немного денег и переехали в Чикаго, где всё пришло в норму: дизайн-компании, 16 тысяч баксов чистыми, машины, макбуки, озеро Мичиган. Ребята открыли счета в банке, получили ID и водительские права. Американская мечта зажгла свечки и надела пальто. Она разгуливает в костюме демократа, почтительно снимает шляпу, разбрасывает долларовые купюры, разливает бездомным мексиканскую колу и раздаёт сэндвичи, страховки и приглашения на день благодарения. Приходит домой, снимает пальто, примеривает домашний халат республиканца, выписывает кредитные чеки и готовит очередной акт о депортации.

II

Макс бросил всё и уехал искать дом в Сан-Франциско. Город-мечта. Город-головокружение. Город с высокими ценами на жильё и большими возможностями. Первые две недели Макс спал в машине, пока не познакомился на дороге с индусом и не договорился с ним о том, чтобы за гроши вписаться в одну из трёх комнат его квартиры в панельном доме в Паркмерсед. Пока Макс выбивал эту комнатёнку, Мариан, Рус и Ханна уже выезжали из Чикаго, завалив машину сумками и всяким барахлом. Компания покатились по хайвэю, оставляя позади Иллинойс. Иллинойс-Айова-Небраска-Колорадо-Юта-Невада. Наконец, выжженная солнцем Калифорния. Сакраменто, Санта-Круз, золотые горы, зелёные горы и вот – Сан-Франциско – город, построенный сумасшедшими для сумасшедших. Так говорил Рус.

Макс, Рус, Ханна и Мариан поселились в крохотной комнате вчетвером. Вторую комнату занимали две потасканные мексиканки, в третьей жила американка. Она в первый же день подогнала Максу травы. Запах травы стоял на каждой улице Сан-Франциско. Калифорния заботится о своих жителях. Пожалуйся на депрессию, сделай себе медицинскую справку, приходи в специализированный магазин – и травка твоя. Кури на улице, дома, на крыльце полицейского участка, на голове губернатора, на шее правительства, на кладбище, передавай по кругу косяк, оставь бездомному докурить – это будет жест доброй воли.

Три месяца ушло на то, чтобы убраться из тесной квартиры индуса, напоминавшей бордель и притон. Мексиканки принимали парней со всех континентов. Здесь побывали даже рохинджа и батонга. Гости выходили отсюда с букетом травы и венерических заболеваний. Наступили три месяца холодного лета, обременённые поиском денег и нового жилья. В августе Алекс и Мэри приехали в Окленд, сняли квартиру в паршивом районе полу-гетто. Вместе и врозь подавали заявки на отдельный дом. К этому моменту стало ясно, что нас будет десять человек. Алекс приезжал на переговоры и увозил отказ за отказом. Весь август отказы сыпались как мусор. Алекс был на грани: бросить к черту San Francisco Bay Area и уехать в Лос-Анджелес. В последний момент Алекс получил утвердительный ответ от риэлторов в Беркли: одобрили большой дом на границе Окленда и Беркли. Хозяйка – чёрная пожилая женщина – отказала какой-то молодой семье в нашу пользу. Оставила порядочную (скорее всего) семью с фигой в кармане ради сомнительных русских. Мы получили жильё, так что я мог перевести дух и спокойно собирать вещички.

Я сижу во дворе и вспоминаю последнюю неделю в Москве. Заламываю себе руки, потому что уехал в тот самый момент, когда московская компания модифицировалась и стала почти

идеальной. Осень 2014 года. Всё было бы лучше, если бы ещё до лета у меня были 3000 долларов и билет в США. В мае я бы воспринял свой побег как плацебо, санаторий и освобождение. Но за лето всё изменилось. Теперь происходящее кажется мне мазохизмом, актом саможжения. На прощальную вечеринку, длившуюся целых три дня, пришло под 60 человек. Большинство приятелей превратились в друзей. Я никогда ещё не был так счастлив и несчастен одновременно.

Я лечу в самолёте и рыдаю. Мне приходится отворачивать лицо от женщины в соседнем кресле, чтобы она не видела моё красное лицо. Я бы прогнал всех пассажиров прочь и посадил бы на их места моих ребят всех до единого. Возможно, мы бы захватили самолет и направили его на Фиджи. Либо вежливо попросили высадить нас на Аляске, где бы мы насобирали крабов, а на заработанные деньги купили бы домики в Коста-Рике. Но увы. В самолете я лечу без друзей и не решаюсь достать виски, припасённый специально для того, чтобы утихомириться.

III

В воздухе мы провели почти 13 часов. Под нами проплывали Скандинавия, Гренландия, Канада, штат Айдахо. Наконец, мой распухший глаз увидел в иллюминаторе Тихий океан и небоскрёбы Лос-Анджелеса. *America, America, I'm looking for you everywhere. Same pain, same joy, same sound*². Нужно вытереть слёзы и заправиться победным духом, чтобы ступить на американскую землю с гордостью и достоинством.

Аэропорт Лос-Анджелеса – кипящий котёл. Ноев ковчег, провалившийся в бермудский треугольник на обочине Тихого океана. Кого здесь только нет! Латиносы арабы славяне индусы армяне негры немцы поляки китайцы. Если изолировать аэропорт от всего мира, здесь случится фантазмагорический праздник кровосмешения, братоубийства и мужеложства. Настанет конец света, большой апокалипсический взрыв, Земля разлетится на куски, а её внутренности повиснут на звёздах. Этот мир пока ещё держится благодаря офицерам на паспортном контроле, и только они имеют право давать зелёный или красный свет очередному гостю главного дьявольского города на Западном побережье Америки. Мне выдали свет на шесть месяцев. Пока чернокожий офицер крутил в своих ладонях мой паспорт, у меня подмышками штормили Ладожское и Онежское озёра. Но всё вышло удачно: офицер поставил штамп. Ему понравилась моя гитара. Я взял вещи и пошёл к выходу. Озёра подмышками покрылись льдом.

В аэропорту меня должна была встретить Бэла, мать армянского пройдохи Стива. Накануне моего вылета Стив заезжал ко мне со своей любовницей и всучил вещи для калифорнийской родни. В ЛА живут его мама и брат. Мы еле упаковали огромную сумку с туфлями, кофтами и безделушками, пришлось собирать чемодан дважды. Эти армяне всегда передают вещи для своих родственников, стоит им только узнать, что ты едешь в их края. Взамен армяне обещают поселить у себя и накормить, в крайнем случае, дать тебе денег. Стив мог стать последним, кого я бы увидел в России, но в Шереметьево приехала толпа друзей. Больше слёз, друзья, нам нужно было больше слёз при расставании. Мы залили ими весь аэропорт. Пассажиры проплывали мимо нас на байдарках, каное и яхтах. Я еле удержался, чтобы не вызвать шторм.

Пока я ворочался перед вылетом и пытался заснуть, по вайберу позвонила Бэла и чуть ли не кричала, не понимая, где я. Она перепутала дату моего прилёта. Так я выяснил, что Бэла, скорее всего, не сможет принять меня в своём доме, поскольку ей нужно уехать по делам на целый день, и отменить это никак нельзя. Более того, в аэропорту она меня не встретит. Моя подруга-неопределённость взяла билет на соседнее кресло на один и тот же рейс.

² из песни RPA & United Nations of Sound – «America»: Америка, Америка, я ищу тебя повсюду. Та же боль, та же радость, тот же звук – англ.

Уже в Лос-Анджелесе Бэла сообщила мне, что она действительно не успевает меня встретить, зато к аэропорту на всех парах мчится её сосед, таксист Цолак, он выглядит, как настоящий армянин, я непременно его отличу от других людей (как будто тут нет других армян), которые всё подъезжают и подъезжают к стоянке. Я жду час. Очень хочется покурить, но вдруг меня скрутят? Я ещё плохо знаю местные законы. Но нет, азиаты затягиваются сигаретой чуть дальше от стеклянных дверей. На лестнице закуривают две красотки, видимо, русские. У одной из них великолепные русые волосы и большая грудь. Идеальный маникюр. Я почти возбуждаюсь. Я столько пережил, что пора бы уже возбудиться от чего-то другого, не связанного с длительным перелётом, переменой мест и допросами на таможенном контроле. Закуриваю и озираюсь по сторонам, заходя за чемодан и тем самым закрывая стояк от посторонних глаз. Бесчисленное множество людей всех национальностей. Мне не по себе, но это приятное ощущение.

Приезжает Цолак. Он и вправду выглядит, как настоящий армянин: орлиный профиль, угольные редкие волосы, типичная армянская щетина, глаза, спрятанные за очками кайфолога. Отлично говорит по-русски. Мы садимся в его блестящий на солнце серебряный форд и выезжаем на хайвэй – и тут же попадаем в сумасшедшую пробку. Машинами усыпан весь горизонт. Ни одной надежды на быстрое продвижение. Звериное лос-анджелесское солнце нещадно раскаляет всё вокруг. Жара превращает хайвэй в преисподнюю, где плавают внутренности пассажиров и автомобилей. Цолак рассказывает о жизни в ЛА. У него десять кредитных карточек. Сплошные кредиты, бесконечный круговорот транзакций с карты на карту. Он выучился здесь, работает таксистом, машину купил в кредит, выучился в кредит, живёт в кредит, всё, абсолютно всё в кредит. На этой земле Господь работает кредитором. Он позволил тебе родиться, но ты обязан ему выплачивать долги, билет на транспорт из чрева матери в люльку новорожденного недёшево стоит. На твоё имя уже открыт банковский счет. Менеджер банка любезно протягивает тебе твои кредитки, будь добр, поставь подпись и выслушай информацию о бонусах. В детстве ты был хорошим ребёнком? Получи бонус – станешь подающим надежды подростком. Если банк считает тебя безнадежным, не видать тебе кредита на обучение в школе, колледже, университете. Банк откажется тебя кредитовать, нулевая кредитная история не позволит тебе арендовать квартиру, будь добр, побирайся на улице, там действуют беспроцентные ставки на милостыню.

Цолак везёт меня в Глендейл, или Лос-Армениос. Армяне хорошо себя чувствуют в этом городе. Нет, они ни с кем не воюют, не конфликтуют. На карте разборок по национальному признаку у армян нет горячих точек. Был лишь один случай, когда латиноамериканцу не понравилась армянская олимпийка Цолака, но парни из армянской банды всё уладили. Чем занимаются армянские группировки? Безусловно, охраняют свой район. Крышуют торговлю. Но первыми в драку не полезут. Мы проезжаем Даунтаун. Под огромными небоскрёбами стаи бродяг в цветастых футболках разлагаются на тротуарах. Их тут тысячи. Что же творится здесь под покровом ночи? Представляю себе криминальные сводки: убийства, мародерства, разбойные нападения, наркотики, тонны наркотиков, пакеты травы из рук в руки, грязь и нечистоты улиц центрального Лос-Анджелеса. И выхода отсюда нет. Нельзя жить в ЛА без автомобиля.

Только через два часа, как мы оказались в дорожном аду, нам удалось вырваться и въехать в Глендейл. Чистые монотонные улицы, одноэтажные дома, магазины и сервисы с вывесками на армянском языке – довольно уютный уголок Армении в этом вавилонском Лос-Анджелесе.

– Так вот как выглядят армянские гангстеры? Похожи на латиносов. С виду и правда мирные. А сколько тут вообще армян? В Глендейле только армяне живут?

– Нет, но большинство.

– Сколько армянских ресторанов! Как насчёт поесть чего-нибудь армянского?

– Ну, знаешь, у нас блюда долго готовят. У меня не так много времени. Сейчас мы подыщем тебе мотель, а после предлагаю пойти в мексиканскую забегаловку, это будет быстрее.

Мы катаемся по Глендейлу туда-сюда в поисках свободной комнаты в мотеле. В лучшем из них все номера заняты, мотель по соседству Цолак считает ужасным. Начинает смеркаться, а я ещё не знаю, где проведу эту ночь. Но вот мы находим неплохой мотель со свободным номером за 70 долларов в сутки. Цолак расплачивается деньгами Бэлы, я отдаю таксисту 80 баксов за то, что он провозился со мной полдня. Закидываю вещи, выхожу с Цолаком за мексиканской едой. Живот ревет от голода, во рту пересохло от жары, голова трещит от утомительных передвижений по трассам незнакомого города. В Глендейле уже темно, мы проезжаем пару кварталов и выходим на пустынной и страшной улице, которая в ночи тем более ни чем не отличается от остальных улиц большой лос-анджелесской деревни. На небе ни звёзд, ни луны, ничего. Мы заходим в типичную забегаловку, одну из тысяч тех кафешек, которые я видел в фильмах. За столиками сидят преимущественно латиноамериканцы, есть и реднеки с красными рожками. Я чувствую себя не в своей тарелке. Побыстрее убраться бы отсюда. Цолак приносит тако и буррито с мексиканской коллой. Я складываю тако пополам, как показывает мой армянский друг, но у меня из тортильи тут же вываливаются лук, овощи, мясо, бобы – всё летит в миску. С мексиканской едой у меня не заладилось с самого начала.

IV

Цолак довёз меня до мотеля, оставил свой номер и попросил позвонить, если вдруг что-то случится. Я передал ему вещи для Бэлы, и мы попрощались. Дверь в номере запиралась на щеколду, которую без труда можно было бы вышибить при разбойном нападении. В голове моей резвились гангстеры с пушками наперевес, вышедшие на очередную ночную охоту – нападать на мотели и убивать постояльцев. Нелегко оказаться совсем одному ночью в таком городе, как Лос-Анджелес. Я вспоминаю истории Леры о том, как она путешествовала по Америке. Мы сидели с ней в Шаляпинском доме на Кропоткинской в начале августа, после её возвращения из США, пили вино и говорили о том, как здорово рисковать.

– В Лос-Анджелесе мы остановились у друзей моего знакомого, Арта. Там тусовались одни музыканты, они вечно пили егермейстер и курили траву. Каждый день к ним приходили люди, было весело, но невозможно спать. Кстати, среди них оказался крутой чувак – у него Бритни Спирс брала уроки хореографии! Он знает многих из Голливуда! Офигенный мужик, ты должен с ним обязательно познакомиться, когда будешь в ЛА. Ещё там зависали всякие металлисты, я давно так не отрывалась! Мы практически не спали.

– А на чём вы передвигались?

– Мы взяли дешёвую тачку. Иногда мы даже в ней ночевали, когда негде было остаться. Те парни не смогли приютить нас на долгое время, мы знакомились с людьми на улице и в барах, они предлагали нам переночевать у себя. Но пару раз не повезло.

– И никто вас ночью в машине не трогал? А случались какие-нибудь опасные ситуации?

– Да, один раз мы заехали в Бербанк, вышли из машины, а я такая, ну ты знаешь, вся в кольцах, браслетах, с айфоном в руке. Стас отошёл купить воды, а я тачку охраняю. Смотрю, подходят двое чернокожих с пушкой. Говорят, снимай всю свою мишуру. Я отвечаю, мол, идите нахер, я русская с Сибири, мне на вас насрать. Они просто охренели! Сказали мне, you crazy fucking Russian, what are you doin' here?³ Объяснили, что здесь лучше не появляться и тем более не сверкать таким добром. Предложили травы и ушли. Чёрт возьми, я могла умереть!

– А почему ты сказала, что с Сибири? Почему не из Москвы?

³ Долбаная сумасшедшая русская, что ты тут делаешь? – англ.

– Не, Москва действует на них не так устрашающе, как Сибирь. К москвичам тут привыкли, а вот слово Сибирь вызывает леденящий ужас. Они просто боятся, для них Сибирь означает одно: чокнутые русские, да они же там живут в своих деревянных домах среди снега, ну их нахрен!

Уже за полночь, и мне не мешало бы поспать. Стараюсь успокоиться, но меня всего колотит. Я вибрирую так, будто оказался в эпицентре землетрясения. Подземные толчки выбрасывают меня в пропасть, моя голова – вулкан, и она извергает гротескные картины с библейскими сюжетами или древнегреческими мифами. Царь Ирод послал в мой мотель отряд шакалов искать новорожденных детей. Внутри телевизора на шкафу спрятан ящик Пандоры, из него ползёт удушающий дым. Амазонки и горгоны танцуют посреди комнаты с горящими сосками на груди. Эринии с потолка посылают мне отравленный мстостью воздушный поцелуй. В кровать заползает ламия и начинает мне отсасывать, пока мои измождённые конечности не отвалятся. Вдалеке слышен шум: то ли поблизости играют в футбол, то ли это эксихейры напали на аргонавтов возле Медвежьей горы между Глендейлом и Северным Голливудом. Мифологические видения постепенно уступают место воспоминаниям. Интересно, как там М.? У неё начинается новая незабываемая осень, которую она так хотела провести с кем-то другим, например, с тем, кого она не могла выкинуть из головы. Наша осень закатилась в подворотню и потерялась в желтизне грязных московских листьев. В моей Калифорнии пока ещё лето, и я по-прежнему нахожусь в лете, в первом за последние годы лете, когда М. не приходит ко мне домой как соучастник моей жизни. М. осталась в беспощадном мае, который заставил меня заработать на билеты в США и уехать прочь, потому что я не мог находиться с ней в одном городе. Скорее, Рус, расскажи мне о Калифорнии, покажи мне Калифорнию, забирай Ханну из Чикаго, ищи дом в Сан-Франциско или Окленде, Сан-Матео или Саусалито, лишь бы подальше от Москвы. Мы будем играть музыку в гараже соседского дома, клеить марки, глядя на Тихий океан, прыгать в воду с Голден Гейт, нестись сломя голову по хайвэю и материть копов, напиваться виски по пятницам, играть в соккер по субботам, мы пригласим к нам в дом всех звёзд американского инди-рока, мы затусим с Полом Бэнксом, и М. заплачет от зависти, все будут рыдать от зависти, глядя на то, как мы скатываемся с индейской скалы в погоне за падающей звездой. Я научусь не думать о тебе, М., но я представляю, как встречаю тебя в аэропорту, чтобы показать мой город – мой Сан-Франциско. И в то же время, если честно, мне совершенно сейчас не хочется вылезать из Москвы 2014. Не хочется покидать балкон огромной квартиры в Коньково, где the night mare rides on⁴, квартиру в Некрасовке, где живёт лучшая пара Москвы, Большую Никитскую улицу и её переулки, тысячу раз исхоженный маршрут Большая Никитская-Малая Бронная-Патриаршие пруды-Садовая-Кудринская, квартиру на Щербаковской, кварталы от Китай-Города до Чистых прудов, московское Садовое кольцо, Патриарший мост, остров Балчуг, Берсеневскую набережную, Садовническую набережную... Боже, как я без всего этого проживу?! Грёбанный Лос-Анджелес, я видел тебя днём, я видел тебя ночью, тебе никогда, никогда не быть красивее, веселее, роднее Москвы, моей величественной столицы, рассыпавшей бриллианты улиц вдоль семи холмов. И всё-таки я раскололся на миллионы раздробленных частиц, отталкивающих друг друга. Я хочу тебя, Америка, точно так же, как я хочу тебя, Москва, как я хочу тебя, Париж, как я хочу тебя, Барселона, как я хочу тебя, Вальпараисо, как я хочу тебя, Парамарибо. Все города в одном большом, не имеющем границ, мегаполисе в моей раздувшейся, как жаба, голове. Это всё поедает меня изнутри.

В Лос-Анджелесе шесть утра, а я все ещё не заснул. Биологические часы сломались, секундная стрелка вылетела из внутривенного циферблата, цифры поменялись местами, калифорнийская ночь и московское утро смешались в одно большое безвременье, ничего не понятно. Голова ещё больше распухла, отскочила от шеи и покатила в ванную. В 12:35

⁴ Ночной кошмар продолжается – англ.

мой автобус отправляется в Окленд, у меня есть шесть часов, чтобы собраться, позавтракать, вызвать такси и доехать до автобусной остановки в Даунтауне. Шесть часов – это слишком много. Это невыносимо долго. Я достаю голову из ванной, привинчиваю к шее, заползаю обратно в постель – и вырубаюсь.

V

В девять утра я проснулся. Три idiotских часа снилось ровным счётом ничего. Меня разбудил встроенный в голову будильник, индикатор ответственности за подготовку к дороге, бомба замедленного действия, электрошокер воспалённого мозга. Оставшейся со вчерашнего вечера тако несъедобен, как мозги осьминога – меня сейчас стошнит. Нужно срочно раздобыть завтрак и купить воду. В мотеле есть кухня и шведский стол. Я набрасываюсь на еду с решительностью великого чревоугодника. Наливаю кофе, насыпаю в миску кукурузные хлопья и заливаю их молоком, делаю сэндвичи и сажусь за стол. Листаю «The Los Angeles Times». За соседним столиком сидят пожилые голуби. За другим – чернокожая семья. Всем насрать на меня. И слава Богу.

Доедаю свой чревоугодный завтрак, забираю кружку кофе с собой и поднимаюсь на второй этаж, где расположилась открытая веранда. Десять утра, калифорнийское солнце зарядило свои лучи на 33 градуса изнурительной жары. Мне бы сейчас не воду, а галлон освежающей жидкости, не веранду мотеля, а бассейн. Я закурываю сигарету и ловлю вай-фай: хочется кому-нибудь позвонить. Не знаю, почему, но начинаю набирать Асель.

– Асель, звоню тебе из Лос-Анджелеса, я тут курю-стою и пьюсь на Глендейл. Как ты?

– Ооооо! Я так рада тебя слышать! Как ты доехал? Рассказывай.

– Не без приключений, но доехал. Это ещё не конец. Впереди дорога до Окленда. Проведу в автобусе восемь часов.

– Офигеть! Ну как твои первые впечатления от Америки? Ещё не скучаешь по Россиюшке?

– Пока непонятно ничего, Америка огромная, Лос-Анджелес большая деревня, мне пока немного не по себе. А по Россиюшке жуть как скучаю. Я всю ночь не мог заснуть, мои биологические часы охуели. Мне мерещилась Москва и какие-то кошмары.

– Ну, ты уж сильно не скучай, у тебя впереди большие планы.

– Пожалуй, не стоит скучать, да. Но никуда от этого не деться. Посмотрим.

Посмотрим, Асель. Посмотрим, дорогая. А сейчас мне пора. Я спускаюсь вниз, заказываю такси. Выхожу на улицу, ищу магазин, нахожу, изучаю ассортимент, покупаю нормальную воду и напиток с каким-то дебильным вкусом, с кусочками кокоса, оказалось – полное дерьмо. Тошнотворное дерьмо.

Вещи собраны, я сижу в оцепенении, в ожидании такси. С минуты на минуту машину должны подать. Я весь дрожу от нетерпения и одновременно изнываю от жары. От нечего делать бегаю в сортир каждую минуту, напеваю песни, говорю фразы на английском языке. Всё слишком охренительно долго тянется.

Наконец, я не выдерживаю и выхожу с вещами к стойке администратора. Такси приезжает, и я прощаюсь с добродушным индусским старичком, хозяином мотеля, любезно одолжившим мне адаптер для американских плоских, прищуренных розеток.

Таксист оказался армянином. Ну, естественно. Я это понял, когда он заговорил по-армянски с оператором. Я ему сказал, что немного знаю армянский. Он посмотрел на мой значок с флагом Армении на джинсовой куртке и улыбнулся. Здесь, в Лос-Анджелесе, армяне делятся на две категории. Одни знают русский, поскольку приехали сюда из Советской Армении в сознательном возрасте. Другие – либо потомки армян, эмигрировавших в США ещё в начале прошлого века, спасаясь от геноцида, либо их перевезли сюда во время перестройки малень-

кими детьми. Русский язык им тут нахрен не сдался. Мой водитель – из последних. Мы с ним говорили на английском, он хвалил Глендейл, ругал пробки. Но больше всего он ругал бомжеватых и хамоватых парней, которые тусуются в Даунтауне, мы как раз его проезжали. Таксист оживлённо рассказывал, что это полный пиздец, и всем насрать, что происходит в душном центре, затянутом дымом травы и смрадом от человеческих тел, лопающихся на солнце как пузыри.

Автобусная остановка находилась как раз в этом районе. Я заплатил таксисту 45 долларов, выскочил из машины и угодил в клоаку лос-анджелесского центра. Здесь был сумасшедший человекопоток. И все отчаянно напоминали убийц. Я видел целые ряды стрёмных парней с наколками на плечах. Я узнал татуировки – эти парни состояли в гангстерских группировках. Один из них – явно из банды М-18. Сейчас он не представлял опасности, он просто провожал семью. Я сел в зале ожидания и начал сходить с ума от жары, толкотни и суеты. Разноцветные люди слонялись вокруг. Я разговорился с соседом напротив – он оказался родом из Португалии, живёт здесь, и ему нравится Калифорния, а ещё он гордится Криштиану Роналду и хочет приехать на чемпионат мира в Россию. Я рассказал ему свою историю, а потом объявили посадку.

Я окинул взглядом людей, с которыми мне предстояло тащиться в одном автобусе. Одни латиноамериканцы и несколько чернокожих. Молодые парни и хип-хоп-девчонки. Мы стояли в очереди на посадку уже полчаса и обливались нескончаемым потом – вокзал почти затопило. В 12:35 автобус должен был тронуться, а на часах уже 13:00. Мне жутко хотелось курить, но я не мог оставить свои вещи среди всех этих подозрительных людей. Со мной заговорила мексиканская бабуля, она стояла в очереди впереди меня – женщина сразу поняла, что я не местный, порекомендовав мне быть внимательным и осмотрительным, следить за вещами и не терять их из виду. Обрадовалась, когда узнала, что я русский. Она стала вести себя со мной так, будто я был её внуком. Давала советы, подписывала за меня какие-то бумажки, докладывала о том, что говорят стюарды, предлагала последить за моими вещами, если я захочу в туалет. Мне хотелось не ссать, а курить – и я не выдержал и пошёл искать выход на улицу, чтобы достать сигарету и выпустить дым. Но я увидел компании подозрительных ребят, тусующихся в курилке, и решил, что лучше потерпеть. Вернулся к своей бабуле. Наш рейс по непонятным причинам задерживали. Это начинало действовать мне на нервы, так как я хотел во что бы то ни стало покинуть пропотевшую станцию и оказаться в Окленде со своими ребятами. Наконец, автобус подъехал, и мы заняли свои места. Было два часа пополудни.

VI

Мы вырвались из адского котлована Лос-Анджелеса и направились на север. Автобус принадлежит компании Greyhound, перевозящей американцев по всей стране. Не Гудзон 49, конечно, но и за рулем не Дин Мориарти. Иногда мы, начитавшиеся битников, представляем путешествие по Америке как психотропный трип. Но никто не предлагает бензедрин, и рядом нет разгорячённой мексиканки, которая отсосала бы на заднем ряду. Есть только чернокожие ребята на своей волне, хипстеры и пожилые люди, которым хочется домой, или в гости, или плевать куда, лишь бы прочь из ЛА.

Мы не успели выехать из города, как автобус остановился. Водитель копошился во внутренних частях машины, мы переглядывались и каждые пять секунд проверяли время. Покатали дальше, но снова встали, на этот раз надолго и всерьёз. Мы все повылезали из автобуса на воздух. Пустая калифорнийская трасса, выжженная солнцем земля, зажата в тиски между жёлтых гор. Замечательная перспектива – пропасть посреди Калифорнии, раствориться в горячем воздухе умирающего от духоты штата. У меня практически нет связи с внешним миром. Пути сообщения отрезаны, телефон разряжен, я ни в чём не уверен, особенно в том, что доеду

до Окленда живым. Как это приключится? Смерть от прикосновения ядовитого удушливого солнца или гибель от укуса гремучей змеи? Это совсем не страшно, мне скорее хочется смеяться, чем просить о помощи.

Ко мне подходит мужчина сорока лет. Говорит, что его зовут Алехандро, он из Сальвадора. Спрашивает, не из Польши ли я. Говорю, что нет, я из России. Алехандро обрадовался, похлопал меня по плечу, сделал комплимент моей стране. У него есть русские друзья, они милые люди. А вот поляков он не очень. Мне немного обидно за поляков, у меня были поляки в роду, но об этом я ему не сказал. В данную минуту гораздо важнее то, что меня тепло приняли как русского. К нам подошла моя бабуля со станции, они оба стали петь дифирамбы России. Как будто мы, русские, стоим на страже латинского мира и делим с ним стол и постель. Впрочем, я начал постепенно влюбляться в латиноамериканцев, принимать их за братьев, считать их самыми приятными людьми в Америке. *Tenemos mucho en común*⁵.

Бабуля принесла новость о том, что мы ждём рейсовый автобус другой компании, наша развалина неисправна, ехать дальше она не может. Вскоре рядом с нашим Грейхаундом остановился BOLT. Он был наполовину заполнен людьми, так что нам пришлось сильно постараться, чтобы найти свободное место. Я устроился в последнем ряду, слева у окна сидел молодой хипстер, справа – человеческая свалка с сумками и бутылками воды.

Дорога из Лос-Анджелеса в Окленд – словно табулатура любой из песен My Morning Jacket. Стаккато в начале песни «Circuital», гитарные глассандо в теме для соло перед затишьем – это солнце закатывается за спины гор. Я ощущаю музыку в каждом пейзаже по ту сторону окна. Первый раз за бешеный день я почувствовал успокоение. Клавиатура клавиш и оркестровые вариации в «The Day is Coming» поглощают пространство, внутри которого мы катимся как шар. В каждой песне My Morning Jacket или The Flaming Lips, Kings of Leon или The National, Yo La Tengo или Built to Spill, Iron and Wine или The War on Drugs я слышу тёплое дыхание Америки, приютившей миллионы душ, уставших от Старого света. Европа по-прежнему закатывается на обочину, Азия бьётся в агонии, Африка копошится в собственных кишках, но Америка пока ещё подаёт признаки жизни. Не самой лучшей жизни, если следовать первоначальному замыслу Бога-энтузиаста. Но подходящей для того, чтобы проникать в чрево дьявола и подрывать его изнутри. Америка – это психоделическое тремоло, пульсация ломаного ритма, тектонический слом сознания, партитура великого торгового пути. Если миру суждено самоуничтожиться, Америка выскользнет в последний момент и образует новое космическое тело, чтобы продолжить жить вопреки здравому смыслу и логическому ходу истории. Америка похожа на многоголовое разнополое существо, в котором бесперебойно циркулирует кровь независимо от медицинского диагноза. И если на её теле появилась раковая опухоль – тем лучше для неё. Во время овуляции она выбрасывает раковые клетки в атмосферу. Из-за этого, прежде всего, страдает Европа – выгребная яма Земли, куда стекаются все нечистоты. Европа переболела всевозможными болезнями – от чумы до туберкулеза, поэтому от неё страшно смердит. Удивительно, но даже в таком плачевном состоянии ей удастся быть привлекательной. Европа ненасытна, её пизда всегда зудит от нехватки семени. Она предпочла бы, чтоб в неё засунули огромные трубы и накачивали промышленной спермой без передышки, но ей всё равно будет мало. Когда все континенты заняты делом, Европа мастурбирует. Европа обожгла все пальцы, её клитор заражён радиоактивными веществами и поэтому раздут до размеров Юпитера. Единственный фаллос, способный его стимулировать, – это Америка. Но Америка слишком чистоплотна, чтобы подхватить европейский сифилис. У Америки исправно работает иммунная система – чем умело пользуются корпорации.

⁵ У нас много общего – исп.

Я по-прежнему люблю Европу. Пусть она будет прокажённой, обезображенной, изнасилованной, я не перестану любить её. Роман с Америкой может быть бурным. Но недолговечным.

Стемнело. Я глушу виски и вспоминаю друзей. Валера – настоящий художник. Для этого ему необязательно писать. Он художник по своей сути, хотя со стороны кажется, что он паразитирует, как микроб. Другое дело – Вадим. Он старательно пытается быть художником, но ему не хватает собранности и решительности. Вадим удачно мимикрирует под художника, он всегда старается выглядеть лучше, чем он есть. У него это получается, поэтому он так привлекает к себе женщин. Они слетаются на него, как мотыльки на свет. Я жалею, что у Вадима не вышло задержаться в Москве. Он всегда говорил, что Одесса стала для него мала, словно детские штанишки. Он вырос и нуждается в более широком пространстве. Но Москва оказалась для него слишком велика. А вот Валера идеально вписался в интерьер спального района на юго-западе Москвы. Здесь он обрёл свою Калугу. Настоящему художнику комфортно везде. Особенно там, где земля гноится и кишит клопами. Это самая благотворная среда обитания для них. Чем хуже условия, тем сильнее их потенциал. Валера – идеальный сожитель. Он легко принимает форму мебели, когда тебе не нужна компания. Но если тебе хочется поговорить, лучше собеседника не найти. Его присутствие в соседней комнате не тяготит, даже если у тебя на коленях сидит женщина и прямо сейчас лезет тебе в штаны. Март 2011 года. Мы смотрели футбол: Валера, я и Н. на моих коленях. Она брала мою руку и клала себе на грудь. Пролила вино на белую футболку. Когда она закидывала её в стиральную машину над сортиром, ей пришлось встать на стульчак и потянуться. Её гладкие, золотистые ноги были идеальны. То, что она сломала стульчак, ещё больше меня раззадорило. Она – божество, которое в любви не знает пощады. Я писал это для неё:

я ничего у тебя не прошу
это всё – бесполезный шум
не надо сомнений.
упрёков – не надо
я знаю и так,
что ты мне
рада.
я знаю, что всё это нам
сгоряча:
шутить, развлекаться
рубить с плеча
не просить руки
не говорить лишнего
не давать обещаний
во дворце всевышнего
нам это – неважно.
неважно, что дальше
в безудержной страсти
не может быть фальши
я хочу тебя целовать
и я – буду
плевать на дожди
плевать на простуду
плевать на контроль и взывания к рацию
плевать на мораль и её декларации

плевать, что нам светит:
награда, беда
я возьму тебя
прямо
в зале
суда.
и
даже если есть у тебя мужчина –
это не будет, не будет причиной
того, чтобы дрогнула вдруг рука
я хочу тебя. тчк.

Я вспомнил о ней, потому что всё могло случиться иначе. И тогда не было бы ни Америки, ни побегов, ни М.

VII

В то время, когда я должен был уже встретиться с Русом в Окленде, мы только въехали в Сан-Хосе. Здесь автобус сделал первую остановку: треть пассажиров вышла. Мой телефон разряжен, но я заранее предупредил ребят, что задерживаюсь. Было трудно что-либо понять в этой темноте, если посмотреть в окно. Но я видел огни небоскрёбов, я наблюдал их силуэты, узнаваемые силуэты Америки. После Сан-Хосе следовал Сан-Франциско, такой же подсвеченный мириадами огней. Сердце выпрыгивало, чтобы прямо сейчас добежать до Золотых ворот и грохнуться в Тихий океан с моста, искупаться и оконечить. Но Золотые ворота находились далеко от трассы, а сердце я научился ставить на место ещё в юности.

Наконец, мы добрались до Окленда. В зале ожидания томились Рус и ещё два чувака: они ждали меня три часа. Мы увиделись с Русом впервые. Мы знаем друг о друге лет шесть – ровно столько нам потребовалось, чтобы наконец-то увидеться. Мы познакомились там, где обычно знакомятся люди в 21 веке, – в интернете. Мы состояли в одном сетевом сообществе, где говорят о музыке и стебуют инакомыслящих. Позже многие из нас перезнакомились в реальности, часто собирались вместе, в основном, в Москве, и стали очень близкими друзьями. Руса с нами не было, он жил в Казахстане, а потом уехал в США. Мы постоянно поддерживали связь, он рассказывал о своей жизни в Америке и служил наглядным примером спонтанной эмиграции. Нет никаких надежд на будущее, кроме призрачных, и ты решительно бросаешь всё и уезжаешь практически в никуда – вот что нам тогда виделось в истории Руса. Он иногда появлялся, иногда исчезал, потом вовсе оказался в Чикаго после Миннесоты, и вот Рус уже рассказывает о том, как сходил на концерт Пола Бэнкса. Начинаясь 2013-ый, мы с М. собирались в Париж, и у нас были билеты на концерт Пола Бэнкса.

«О! Бэнкс – офигенный человек!» – говорил Рус. «Он так по-простому себя ведёт. Концертник был в зале человек на 100, наверное. Мы стояли прямо у сцены. Выбор места меня удивил. Будь это в России/Казахстане, его бы лапаты полезли. То есть, они стояли на расстоянии вытянутой руки от нас. Так он перед выступлением сам вышел всё настраивать. Тупо вышел, что ему нужно подкрутил, поулыбался над выкриками (ну обезьян-то везде хватает), поприветствовал всех. Он пол сета точно Пленти исполнять будет. Если застанешь «On the esplanade»⁶ – советую вместе с ним закрывать глаза и ебашить сквозь Вселенную!» – подытожил мой восторженный товарищ по сети.

⁶ На эспланаде – англ.

Именно так и случилось в Париже. Мы с М. провели в этом городе четыре счастливых дня. Терялись на Монмартре, бегали от дождя в подземку, игнорировали Лувр, стонали и кричали в тесном номере с тонкими стенами, пили дешёвое и вкусное вино, говорили на смеси французского, русского, английского и армянского, откровенничали в Люксембургском саду, покупали пластинки, сидели за столиком Ромена Роллана в Клозери-де-Лиля, восхищались элегантными парижанами средних лет, целовались под Эйфелевой башней, говорили «je suis un couchon⁷», ели круассаны и блинчики с шоколадом, угощали русским «Gitanes» французенок и арабов. Трудно было придумать лучшее завершение парижского отпуска, чем концерт Пола Бэнкса, музыканта, который свёл нас, как брачное агентство. «Каждая песня Interpol – моя любовь к тебе», – говорила она. И мы действительно закрыли глаза и поплыли через Вселенную, когда заиграла «On the esplanade». Я обнимал её и целовал в затылок, так сильно сжимая в своих объятьях, будто чувствовал, что рано или поздно она все равно ускользнёт.

Мечты сбываются, сказал я Русу, когда мы обнялись. Судьба благоволила нам, мы вывернули её наизнанку, позади Россия и Казахстан, несколько тысяч километров разделяют нас от Москвы и Петропавловска, но мы здесь, в Окленде, стоим друг напротив друга и улыбаемся, как идиоты, потому что это всё нужно ещё осознать. Рус существовал для меня как неведомый человек из интернета, теперь он существует в реальной жизни, модно одетый, англо-казахский джентльмен, подтянутый Рус, который так же, как и я, ждал нашей встречи, хотя несколько лет назад это казалось практически невозможным.

Рус представил парней. Вот этот чувак в красной кожаной куртке, в очках и кепке автопилота – Макс, он москвич, мой земляк. Вот этот парень в шароварах и тельняшке – Мариан из Кишинева. У Макса и Мариана относительно всё в порядке с документами и лучшая из всех в этой компании кредитная история, поэтому дом оформлен на них. До дома ехать всего 20 минут, мы садимся в тачку и, не спеша, катимся по ночному пустому Окленду, богом забытому, если верить тишине.

В доме была одна Ханна, и она ждала нас. Ханна родилась и выросла в Харькове, уехала в США несколько лет назад по программе «Work and Travel». Недавно она подалась на политическое убежище, так что домой в Украину ей будет сложно попасть. Ханна – самый веселый человек в нашей коммуне. Шумная, болтливая, невероятно добрая. Мы подружились сразу. Я могу рассказать ей всё, что угодно, и это уровень доверия, который утвердился между нами с самого первого дня. Когда мы вошли, на кухне играл The Smiths, и это был хороший знак. There is a light that never goes out⁸. Каким ангелам взбрело в голову привести меня в дом, где играет моя любимая песня в тот момент, когда я в него вселяюсь? Они всё знали заранее.

Это был двухэтажный дом, и его строение противоречило логике. Ванная комната с туалетом находилась на первом этаже посередине, зажатая двумя комнатами, и только через них можно было пробраться к сортиру и раковине. Лестница на второй этаж вела исключительно из ванной. В доме будут жить 10–12 человек, и каждому нужно в душ или посрать. И пока они заняты своими делами, ни спуститься, ни подняться по-человечески невозможно. Есть только один способ: с лестничного пролёта пролезать через узкое окно, складываясь вдвое, и выпрыгивать в кухню. Точно также подниматься. Мне рассказали историю этого дома. До нас его занимала чернокожая старуха, помешанная на кошках. Она приютила сорок уличных кошек, а потом бездомного мужика, который помогал ей ухаживать за животными. Недавно старуха отдала концы, а бродяга продолжал гнить в пустом доме с кисулями, которые ссали где попало и линяли. Дом покрывался язвами, запах экскрементов выбивал стёкла соседских домов, так что срочно требовалось вызвать санэпидемстанцию и спасти район от кошачьей чумы. В дом явилась настоящая хозяйка и приказала бездомному выметаться к чёртовой матери. Мужик

⁷ я – свинья – фр.

⁸ Этот свет никогда не погаснет – англ.

почему-то уверовал в то, что жилище оставили ему, это всё привело его в дикую ярость, и он устроил хаос, разбив всю мебель. Безумца скрутили и вывели вон вместе со всеми кошками, однако, запах кошатины стоял в доме до сих пор, что могло довести меня до аллергического припадка.

В саду перед мангалом развалился грязный оборванный диван, над ним с дерева свисал зонтик. Рядом с диваном примостились кожаное чёрное кресло, как у топ-менеджера в кабинете, и грязно-жёлтая сидуха, как у бомжа на улице. Места хватит всем. Уже ночью мы расположились в саду и жарили сосиски. К нам присоединились американцы Билл и Зое. Билл напомнил мне Валеру. Высокий, как секвойя, в интеллигентских очках, за которыми прячутся саркастические глазки. У Билла калифорнийский акцент. Он растягивает гласные, когда говорит «yeah, man, cool, man». Мы заговариваем о Генри Миллере, о битниках, и Билл предлагает поехать на Биг-Сур. Просто взять палатку, положить в тачку, и выехать в ближайшие выходные. Он пока здесь, но скоро отправится путешествовать в Норвегию, так что у нас остаётся совсем немного времени на задуманное.

В сад буквально запрыгивает Алекс, он идёт так быстро, словно под амфетаминами, идёт, раскачиваясь, будто в его мозгу дискотека. Алекс – комок грува и смеха. Его шляпа и жёлтые очки выдаёт в нём питерца. Алекс похож на рейвера, сбежавшего с Крестовского острова. Он только что пришёл с тусовки стартаперов, поэтому он такой заведённый, и рассказывает об уникальных возможностях втянуться в деловую компанию Сан-Франциско и получать заказы. It's a big deal, guys⁹, говорит он, и его зрачки расширяются. История Алекса – безумие. Он уже шесть лет живёт в Америке нелегалом. Четыре года он прожил на Гавайях. Спал на пляже, серфинговал, жрал насекомых, превратился в туземца и затерялся между Кауаи и Молокаи, пока не переехал в Чикаго. Алекс не вспоминает о Питере и радуется, что оборвал с Россией все связи. Его место – здесь. Теперь его, как и многих других обездоленных или слишком весёлых, приютила Калифорния. Она вытянулась вдоль побережья Тихого океана, выпрямив стан, как женщина. Её лоно способно вместить в себя целый континент. Ноев ковчег с Арарата держал путь сюда и бросил якорь у Золотых ворот. В этом штате расплылись воспоминания о рае. Запретный плод легализован. Благополучие человека зависит от его самоконтроля. Ты можешь ходить по улице голым и трахаться в подворотне, но не подцепишь сифилис, потому что калифорнийское солнце продезинфицировало твои чресла. Вливай струи жизни в танцующие улицы Сан-Франциско, города, где бродит вирус гедонизма. Open your mind¹⁰, говорят тебе здесь, это необходимо понять.

VIII

Суть искусства состоит в том, чтобы оказывать сопротивление хаотичному движению мировых сил в сторону окончательного разрушения, лечить тяжёлые болезни и обезвреживать заражённые точки. Искусство динамично и чувствительно тогда, когда в нём не остается понятия «искусственный». Противоречие в этом слове заложено для того, чтобы сдерживать направление того искусства, которое стремится преобразиться в движение, выйдя из статичного положения. Человеку необязательно писать картины, заниматься музыкой и литературой, чтобы быть художником – им может быть отец, вырастивший детей и отучивший их плевать на землю. Мир, который катится в западню, становится мишенью для подлинного искусства. Произведение искусства подлинно тогда, когда оно торжествует над страхом. Между боязнью войны и боязнью танцевать нет никакой разницы. Танец – победа над войной, даже если стреляют в соседнем квартале. Направляйте на нас свои танки, сбрасывайте бомбы, мы будем сме-

⁹ Это большое дело, парни – англ.

¹⁰ Открой свой разум – англ.

яться вам в лицо, мы будем эякулировать на ваши флаги. Мы затанцуем вас до смерти. Попробуйте настроить нас друг против друга, посмотрим, как у вас это получится. То, что случилось с русскими и украинцами, не означает, что вы можете самодовольно потирать свои потные ручонки. Давайте, попробуйте заставить меня ненавидеть Ханну, Вадима, Стаса, моих одеситов и харьковчан, попробуйте натравить на меня своих сепаратистов. История Донбасса – это история вашего собственного поражения. История Палестины, Абхазии, Приднестровья, Карабаха, Сирии – это заваренная вами каша, которую мы должны расхлёбывать, но хотелось бы обойтись без вашей помощи. Обращаясь с нами как с пушечным мясом, вы ставите себя в ужасающее положение в наших глазах. Мы смеёмся над каждым вашим нападением, только так мы можем обезоружить смерть, которую вы собой олицетворяете. Язва усталости разъедает почву, на теле земли все признаки бубонной чумы. Дворцы, построенные на костях, рано или поздно провалятся в преисподнюю. Мировые силы пожрёт лихорадка, скоро не с кем будет воевать. И пока вы будете истреблять друг друга, мы поднимемся на Священную гору и будем вылавливать тех, кого ещё можно спасти. Мы устроим великую оргию и зальём белым огнём все ваши города и страны, выросшие на крови. Вам просто будет нечем дышать, потому что воздух любви отсутствует в ваших лёгких. Вы зарядите пушки своими атрофированными яйцами и направите дуло в сторону Священной горы, но ваши яйца не долетят до нас, потому что они лишены семени. Они бесплодны.

История мира учит нас тому, что надо как можно скорее отказываться от культа личности и гордости. Нам больше нечего завоевывать, потому что мы не обороняемся, общаясь друг с другом. У нас нет границы, различающей нас, и нет пограничников, проверяющих паспорта. Мы раз и навсегда порвали со всеми религиями, со всеми убеждениями, принципами, правилами, сводами законов, письмами, поучениями, со всей этой нечистью, которая заслоняет солнце от глаз. Поэтому нам незачем воевать. Вся суть войны в том, чтобы навязать свои убеждения. Мы отказываемся от убеждений, чтобы нам нечего было навязывать.

Ханна очень переживает из-за того, что происходит на Донбассе. Ханна прекрасно понимает, что русский не должен ненавидеть украинца просто потому, что он украинец – и наоборот. Вся эта ситуация – издевательство над человеком, которого ежедневно бросают на лопатки и заставляют испытывать ненависть. В человеке пробудили зверя, который запутывается в потоке информации как неопытный путешественник в лианах. Градус слишком сильно накалился. Русских снова запугали врагами. Вокруг одни недруги, и они хотят нас уничтожить, поэтому давайте закроемся в своих границах и будем смотреть на иностранцев с недоверием и злобой. Все хотят нам поднасрать, говорят по телевизору, к нам посылают агентов под прикрытием, чтобы расшатать наши славные домострои. Госдепартамент США хуже, чем дьявол. Заговор против русских, поэтому давайте давить зарубежные продукты на границе, ведь они заражены психотропным свинцом, пестицидами, инсектицидами, этиленгликолем, мышьяковистым водородом, аммиаком, фосгеном и угарным газом. Мы дышим отравленным воздухом, идущим с запада, разлагаемся и гниём, поэтому пора заместить его воздухом русским, очищенным через духовные фильтры. Мы – нация героев, а героям нужны противостояния, поэтому мы рождаемся с оружием в руках и ядерными боеголовками за пазухой. Не подходит, европеец, пошёл прочь, американец, мы раскрошим тебе голову радиоактивным крестом. Мы повесим портрет твоего президента на позорном столбе, вымажем ноги в дерьме и будем бить мерзавца по роже. А завтра мы собьём человека на трассе, подкупим судей и пустим его по миру. Послезавтра мы доебёмся до прохожего и отхуярим его в подворотне, потому что нам скучно, и чешутся руки. Через неделю мы заподозрим соседа в измене Родине и выколем ему глаза. Нам всё можно, и ненависть наша священна.

Иностранцы, хорошо знающие русских, и сами русские говорят разные вещи. О русских. Другие улавливают в нас то, что мы, русские, не замечаем и не хотим видеть. У нас есть комплекс обиженных и непонятых людей, к которым весь мир относится с недоверием. Мы сами

считаем себя мрачными, холодными и злыми. То ли это мы вбили себе в голову, то ли мы повторяем за средствами массовой дезинформации. Но если мы пообщаемся с иностранцами, то узнаем о себе много интересного. Наш друг Билл сказал: you Russians have fire in your souls. Мы, русские, носим в душе магический огонь, который приятно обжигает окружающих и настраивает на приключения. Наш американский друг считает, что с русскими здорово делать всё: и сидеть у костра, жаря сосиски, и проваливаться в секретные зоны земли, и музицировать, и выпивать – и наш пресловутый русский огонь источает невероятное тепло. Оказывается, мы, русские, уделяем в этом если не всех, то многих. Американцы тянутся к нам, в гостях у нас они получают удовольствие. Американцам надоели их обычные «how you doing man»¹¹, они соскучились по разговору по душам, по пожару слов, по солнцевороту эмоций, которыми мы их расстреливаем. Нам всё интересно, мы проявляем сочувствие и соучастие как никто другой, мы можем быть лучшими друзьями. Нам это говорят люди, которых мы привыкли считать лучше себя.

Однажды кубинка Хания не выдержала, и её пробило на монолог:

– Я скажу так. Уже два года, как я живу в Испании, и раньше я по-другому совершенно смотрела на испанские и русские черты характера. В Испании никто никогда не нахамит, все улыбаются и добрые, это правда. Но сблизиться с людьми бывает сложно, то есть в России может и не так широко улыбаются, но обстоятельства могут создать тебе Друга, настоящего. В Испании со всеми можно иметь приятельские отношения, но ДРУЖБА... В общем, отношения здесь другие. Позитивные, но более поверхностные. Поэтому я считаю, что русские больше схожи с латиносами: брат, камад, слёзы, драматизм, тоска – в Америке это есть, в Испании нет. На севере точно нет. Я честно считаю, что русские очень мало ценят свой народ. Да, хмурые, но сколько охуенных людей я знаю, даже мои коллеги европейцы с восторгом говорят о русских, а русские ненавидят сами себя. Цените себя уже наконец-то, ребята! Я по работе общаюсь и знакомлюсь с людьми из многих стран. Финны холодные, китайцы холодные (пока не напьются), голландцы, но русские???? Простите, серьёзно? Русские – это самый большой взрыв мозга, это аттракцион эмоций. Никто за границей не считает русских холодными, друзья!

Нам нужно чаще путешествовать. Власти говорят нам, что нас никто не ждёт за пределами родины, что нас будет преследовать потенциальная опасность. Демагогия и передёргивание фактов. Да, русские могут заработать себе плохую репутацию на курортах в Турции или Египте. Но эти люди, как правило, заранее обработаны недостоверной информацией. Их сделала такой среда. Они выросли в атмосфере нагнетания и угнетения. Они забыли о том, как чувствовать себя свободными, а турецкие пляжи и «всё включено» пробуждают гниловатый аппетит. На каждого буйного русского туриста, давшего жару в Шарм-эль-Шейхе или Кемере, всегда найдется образованный россиянин с горячей душой, который оббежит все музеи Парижа и вечером засядет в один из баров на Place de la République, познакомится с французами и, может быть, заведёт с ними приятельские отношения. То же самое касается пьющих немцев, обезумевших англичан, капризных итальянцев или самодовольных американцев. В другом месте вы встретите иных французов и англичан, ирландцев и шотландцев, норвежцев и шведов, испанцев и итальянцев, и они разрушат ваши представления о своей нации. И они не отвернутся от вас из-за вашего происхождения вопреки тому, что вы себе напридумывали.

Из блога Толкователя.

Летом 1987 года в СССР прошла акция народной демократии: американские и советские граждане три недели шли пешком из Ленинграда в Москву. В городах на их пути тысячи людей

¹¹ Как поживаешь, парень? – англ.

встречали шествующих цветами, а плачущие старики в деревнях – иконами. Шествие завершилось первым в СССР рок-концертом с американцами, на 30 тысяч зрителей.

Советско-американский поход за мир проходил по маршруту Ленинград-Новгород-Калинин-Москва 15 июня – 8 июля 1987 года и являлся продолжением «Великого марша мира», происшедшего в США в 1986 году, и «Миссисипского круиза мира». С американской стороны в походе принимало участие около 200 человек – все они были представителями антивоенных и прогрессивных общественных организаций: учителя, студенты, муниципальные работники, фермеры, бизнесмены, служащие. Для некоторых из них поездка обошлась в 2500 долларов, но большинству американцев пребывание в СССР компенсировал один из главных спонсоров марша, сооснователь корпорации Apple Стив Возняк (его родители были родом с территории СССР – с западной Украины, мать полька и отец немец, уехавшие из Союза в США сразу после окончания ВОВ).

С российской стороны участвовали тоже 200 человек – люди, которых отобрали в Советском фонде мира. По социальному статусу они соответствовали американцам – учителя, студенты, квалифицированные рабочие, врачи и т.д. Но к ним в процессе движения по маршруту присоединялись представители областей, по которым проходил поход, и нередко на каком-то участке пути шли по 2–4 тысячи человек.

Было разрешено пройти по одному из участков пути и первому легальному общественному движению в СССР – толстовцам. В начале 1987 года на родине Толстого возникло движение «Мир без насилия». Его девизом было: «В поисках зелёной палочки». Его основатель инженер Пётр Савельев положил в основу движения Делийскую Декларацию, подписанную за год до того главами двух государств – Советского Союза и Индии, Михаилом Горбачёвым и Радживом Ганди. В Декларации сказано: «Ненасилие должно быть основой жизни человеческого сообщества. Философия и политика, построенные на насилии и устрашении, неравенстве и угнетении, дискриминации по расовому и религиозному признакам или цвету кожи, аморальны и недопустимы. Они приносят дух непримиримости, губительны для высоких устремлений человека и отрицают все человеческие ценности. Построение свободного от ядерного оружия ненасильственного мира требует перестройки в умах людей, воспитания народов в духе мира, взаимного уважения и терпимости».

Шествие толстовцев на советско-американском Марше Мира прошло без происшествий, а гости из США смогли убедиться, что Перестройка и вправду подразумевает свободное участие людей в общественных организациях.

Подполковник милиции Борис Слободчиков, охранявший Марш, прошёл весь путь от начала до конца с его участниками. Он оставил краткие записи о мероприятии: «Радиожурналист Гари Шапиро спрашивал американских участников, ну как дела, наверно вас окружили агентами КГБ, в каждую палатку установили подслушивающие жучки. Нет, шеф, мы просто поражены гостеприимством русских – это грандиозно. Пожилые люди плачут, когда мы идём мимо русских деревень по шоссе, встречают нас цветами – это невозможно передать».

Когда мы делали первые шаги похода по Ленинградской области, американцам хотелось встретиться с простыми людьми, узнать, как они живут, какие проблемы, поэтому, когда их встречали старушки с иконами, молились за них, угощали фруктами, они были поражены таким дружественным отношением к ним. Американцы сами плакали, целовались с выходящими на улицу людьми. Этого не возможно было выразить никакими словами.

Они спрашивали меня, почему пожилые люди плачут, молятся за них. Я ответил им, что эти люди пережили не одну войну, не хотят её, и если молятся, то только за мир, чтобы никогда не было на нашей земле войн. Сначала американцы думали, что перед ними власти специально готовят людей, которые показывают наше отношение к ним, но потом, увидев простых людей с добрыми улыбками на их открытых лицах, они поняли, что их действительно по-настоящему с любовью встречают наши люди.

Мне вспомнился ещё один эпизод, когда, ступая под проливным дождем, по разбитому автомашинами шоссе, мы разговорились с одной из участниц похода. Она очень критиковала наш строй, систему социализма, говорила, что видит в нашей стране только плохое. Я не стал спорить с ней о политике, но отметил, что зато у нас очень добрые и хорошие люди, и когда-нибудь наша страна тоже будет такой же богатой, как Америка. Дождь становился сильнее, и когда мы проходили мимо одного села, пожилая женщина подарила американке очень красивый букет цветов, напоила молоком и благословила нас иконой. Она улыбнулась мне и сказала, что я действительно убедил её – таких прекрасных людей она ещё нигде не встречала».

Обычные участники Марша тоже вспоминали, как их поразила встреча с американцами. Татьяна Авдеенко говорила: «Впечатления огромные. Коротко их можно выразить так: это марш доверия, марш подлинной народной дипломатии. Впереди идут знаменосцы. В руках у советских участников похода – звёздно-полосатый флаг, у американских – красный с серпом и молотом на полотнище. Они идут плечом к плечу, оба знамени рядом. Вот так бы всегда и во всём! Путь от Ленинграда до Москвы не близкий. И сколько же встречалось на этом пути скромных обелисков и величественных монументов. Американцы считали своим долгом остановиться перед ними, чтобы почтить память погибших за свободу и независимость нашей Родины, минутой молчания. Галина Сурина, инженер-технолог Электроградского филиала ВНИИ НП (г. Павлово-Посад): «Поход был нелёгким. В день мы проходили до 25 километров, ночевали в палатках. И так в любую погоду. Общение было постоянным. Когда идёшь с американцем рядом, он интересуется буквально всем. Задушевный разговор для него важнее любого официального мероприятия. Примечательно в этом отношении заявление наших новых друзей: «Для нас главное – посмотреть советскому человеку в глаза, пожать ему руку и увидеть, что он улыбается и радуется. Очень понравилась их открытость, чуткое и внимательное отношение к нам и друг другу. И дискуссии они умеют проводить по-деловому, не навязывая оппонентам собственное мнение. А дискутировали мы практически ежедневно, на самые различные темы. Заинтересованные разговоры шли, конечно, о борьбе за мир, против ядерных испытаний, об экологии и СПИДе, энергетике и космосе». Заключительным этапом советско-американского «Похода за мир и разоружение» стал грандиозный концерт на стадионе в Измайлове, где 4 июля – в день независимости США – выступили советские и американские музыканты. На него пришли 30 тысяч зрителей. Билетов было не достать, и они в основном распределялись среди комсомольских организаций Москвы.

Журнал «Новое время» в №28/1987 писал о концерте: « – Это музыкальное действо – просто чудо, – говорит известный калифорнийский импрессарио Билл Грэм. – До последнего момента никто не мог поверить в его возможность. А вся организация концерта свелась к двум телефонным звонкам! Советский комитет защиты мира предложил идею – и мы тотчас же её подхватили...»

Субботнее шоу – первый совместный концерт за всю историю советско-американских отношений. Проведён он был абсолютно бесплатно. Решить финансовые вопросы помог компьютерный магнат и энтузиаст рок-музыки из Калифорнии Стив Возняк. «Я с самого начала был уверен в успехе. Мы не были связаны коммерческими интересами, а там, где торжествуют идеи взаимопонимания и поставлены благородные цели – там всегда удача», – говорил владелец компании Apple.

Впервые в Москве рок-концерт шёл на открытой площадке стадиона. 12 многотонных трейлеров привезли в Измайлово из Венгрии специальную сцену и комплект аппаратуры ансамбля «Омега». На концерте от американцев выступили певица Бонни Райтт, исполнитель лирических баллад Джеймс Тейлор, ансамбль «Дуби бразерс». С выдающимся гитаристом – виртуозом Карлосом Сантаной я познакомился в мае в Будапеште. Тогда Карлос сказал, что уже 20 лет мечтает выступить в Советском Союзе. И вот Сантана раздаёт автографы в Москве.

Говорит, что уже успел познакомиться с интереснейшими советскими музыкантами. На репетиции он сыграл «джэм» с гитаристом группы «Крузиз» Валерием Гаиной.

– Как и обещал, я буду играть в советской столице, – улыбается Сантана. – Такие совместные музыкальные форумы должны стать традицией: ведь музыка – это мир».

IX

Итак, мы живём в Беркли. У нас есть планы, надежды и средства на жизнь, и они скоро закончатся, но это не имеет значения. Первое, что можно почувствовать, сидя в доме на одной из улиц калифорнийского маленького города – внутреннее спокойствие, даже если не знаешь, что тебя ждёт впереди. Впрочем, знать, что там будет – совершенно необязательно. Мы тут живём одним днём, и потому каждый наш новый день прекрасен. Уитни-стрит – пограничная территория. Раздел между Оклендом и Беркли проходит напротив нашего дома. Слева – Окленд. Город-гетто, который демонизируют в новостях. Криминальные сводки сообщают о большом количестве краж и убийств. Но ситуация исправляется благодаря резкому подорожанию жизни в соседнем Сан-Франциско. Из-за этого средний класс Фриско переезжает в Окленд, где дешевле, и окультуривает город.

В Окленд мы не ходим. Всё, что нам нужно, есть в Беркли. Ирландский паб с портретами латиноамериканских революционеров и агитационными плакатами в поддержку Никарагуа, Кубы и Сальвадора, греческая кофейня с гирсами и сувлаки, супермаркет размером с Азию, станция Ashby, алкогольный магазин, банки, магазины виниловых пластинок, книжный, православная церковь, центр помощи бездомным, парикмахерская, магазин травы. Наши соседи постоянно принимают гостей. Джефф – олицетворение пофигизма. Рыжая борода, грязная одежда, хриплый голос, жёлтые от сигаретной смолы пальцы. Каждое утро он сидит на крыльце и орёт песни на всю улицу. Иногда это старый американский блюз, а порой – Modest Mouse. Джефф – кандидат физических наук, который моет посуду в пиццерии. Его всё устраивает. В подвале дома Джеффа есть барабанная установка, куча железа и гитарные комбики. Там можно отвести душу, изрядно пропотеть и оглушить весь квартал яростным панк-роком. Один из соседей каждую ночь залезает на дерево, где у него смастерена конура, и спит там. Поэтому иногда он вежливо просит нас быть потише. Каждый день к нам в гости забегает всякая живность. Белки, еноты, летучие мыши. Однажды даже прилетела колибри и уселась Максу на ладонь. Маленькая разноцветная птичка с длинным клювом, не испугавшаяся человека. У нас ей нечего было бояться.

Мы принимаем гостей и получаем приглашения на вечеринки. Иногда я спускаюсь утром и вижу торчащие ноги из спальных мешков и сонные лица незнакомых мне людей. Бородатые парни из Чикаго остановились у нас переночевать, чтобы на следующий день отправиться в Сакраменто на музыкальный фестиваль. Они подарили нам свой велосипед. Наш дом – отель Калифорния, где не берут денег за ночлег и угощают кофе. Мы не закрываем двери. Они всегда открыты. В доме свалка макбуков и прочей техники, но никому это не нужно. Мы тут вечно говорим о высоком уровне доверия.

Главный момент счастья, который может свалиться на голову в Калифорнии, настиг меня на заливе Сан-Франциско. Тут не существует времени, есть только мощные потоки воды, которым плевать на проблемы внутри твоей головы, они разбивают их о камни, подойди только к воде поближе и не отворачивайся, если она слишком холодная для тебя. Утро надевает солнечную шляпу и выползает на берег. Небо кристально-голубое, как лазурь, на нём можно рисовать. Пахнет солью и ренессансом. Морские волны, словно кардиограмма нового мира, вытекающего за буйки сегодняшнего дня. Больше не имеет значения, будет ли завтра, потому что часовые пояса растянулись, как нерв на дне океана. Меня весь день съедает музыка. Ноты циркулируют внутри вен, и их движение не остановить. Я ломаюсь пополам под давлением кре-

щендо и диминуэндо. Голова летит по направлению к Сан-Франциско, ангелы напичкали её смирной и цикорием, чтобы она взорвалась, как фейерверк над башней Койт, и оповестила людей о явлении фанкующего бога с лилией между ног. Грядет великое оплодотворение всей Земли, задыхающейся от смерти, которую культивирует старый мир. Северная Калифорния распустилась как цветок. И ей нужен свежий воздух.

Х

Сегодня 21 сентября, Армения празднует день независимости. *Astvats sirum e qez, Nayastan*¹². Бог, которого я признаю. Который приносит по вечерам вино и умеет наслаждаться, а не наказывать за удовольствие. Он связал Армению со мной, и теперь я, просыпаясь в Калифорнии, по каналам мысли переносюсь в Ереван. Прекрасную страну Армению открыли любовь и страсть и раскромсали из ненависти. Страна, первой принявшая христианство, когда оно ещё не было подпорчено крестовыми походами, ханжеством, культом страха и золотом. Страна, до сих пор сохранившая очарование своей древней истории. Народ, который терзали и уничтожали на протяжении веков – выжил. Армяне рождаются и живут с воспоминаниями о происхождении нового мира, поэтому у них грустные и глубокие глаза, видевшие войны и капитуляции, смерть целых городов и сёл, переселения народов, голодных до грабежей и убийств. Армянам долго навязывали чужеродную модель поведения. А потом их разбросало по земле, и сами они себя стали разделять по происхождению/проживанию, будто бы находя точки расхождения. Но мало кто умеет так веселиться, как армяне. Возможно, армянское веселье уходит корнями в античные времена, когда у армян была своя мифология. Богини Астхик, Анаит, Нанэ и Цовинар заправляли балом и превратились в архетипы. Женщина, родившаяся под звездой богини Астхик, загнипнотизирует своей армянской благородной красотой, непостижимой, как магия. Та, в которой преобладает Цовинар, испепелит мужчину и раздавит его как червяка, если он даст слабину. Армянская женщина-Нанэ – надёжный и преданный друг. Никто не сможет быть мудрее.

Я всё это знаю, потому что в М. в разное время возникало каждое божество, особенно Цовинар. Когда она заводилась, это был лихорадочный драйв, мощный поток волны, сминающий всё на своём пути. Но только посмей её разозлить, она уничтожит твою Трою до основания.

М. ушла, Армения – осталась. Меня окружает Армения, и я вижу её в калифорнийских горах, которые возвышаются над Беркли. Я никогда не был в Ереване, я видел его глазами других людей. Например, Филя, который давно зазывает к себе. И поэтому сегодняшний день я начинаю с песен Рубена Ахвердяна и думаю о магической стране, которую ещё не видел, поэтому представляю её только через песни.

В нашем Окленде горы красуются
с Калифорнией говорят
стоит выйти из дома на улицу
я ловлю их таинственный взгляд
забирают они из Америки
в одну из далёких стран
где стекаются люди к берегу
любоваться тобой, Севан
и вернуться они к обеду
в Ванадзор или Эчмиадзин

¹² Бог любит тебя, Армения – арм.

ну а я обратно поеду
в Калифорнию, снова, один
там я буду искать дорогу
к незнакомому дому, пьяный
и придёт ко мне на подмогу
музыка Ахвердяна
и звучит «*mer siro ashune*»¹³
и над крышей клубится дым
в этот дом я вхожу бесшумно
И становится он родным
в доме этом все уже спят
только ты меня ждёшь, *mon chere*
и когда ты мне скажешь «*good night*»
я отвечу «бари гишер»¹⁴.
но наутро проходит сон
моё сердце бьется в агонии
горы бьются с ним в унисон
просыпается Калифорния
отражаясь в солнечном диске
волны плещутся в океане
я люблю тебя, Сан-Франциско,
но мечтаю о Ереване.

XI

Мы с Русом идём к станции Ashby, садимся не на тот поезд – это проще простого сделать, если ты едешь в Сан-Франциско из Беркли в первый раз. Но вот мы уже мчимся в правильном направлении, проезжаем под заливом, а не над, из-за чего меня немного штормит. Через 20 минут мы выходим на станции Embarcadero. Поднимаемся выше, где город стреляет небоскрёбами в глазные яблоки, трамваи проезжают по моему хребту, и сам я превращаюсь в резиновый трамвай с торчащей на проводах головой, сделавшей тысячу и 39 оборотов вокруг своей оси.

Весь город Сан-Франциско – это легенда о райской земле, фантазмагорический сад с деревьями, цветами, небоскрёбами, холмами и пряничными домиками. Это затяжной прыжок в голову Создателя, и у него там фанк, конфеты и немного травы. Сан-Франциско – это город, в котором непременно хочется двинуться, потому что слишком захватывает дух. Мы идём по Маркет-стрит вниз к заливу, приближаемся к набережной, и тут на площади я отчётливо слышу «*Get down on it*», но не в исполнении Kool and the Gang. Конечно, это уличные музыканты играют на сцене посреди площади. В этом городе музыка – обязательный атрибут. Музыканты на каждой улице, чернокожие короли ритма или белые хиппари, закодированные шестидесятыми. Сан-Франциско – нескончаемый грув от Golden Gate Park до Embarcadero, от Presidio до Parkmerced. Расстояние между Downtown и Lower Pacific Heights точно вариации для Sly and the Family Stone. Улицы круто поднимаются вверх или под безумным уклоном катятся вниз, потому что город фанкует, он построен на холмах, под ними из глубин земли вырывается музыка ещё с тех времен, когда здесь никто не жил.

¹³ Наша осень любви – арм.

¹⁴ Спокойной ночи – арм.

Возле пирса 39 – тысячи туристов, и, чтобы их обойти, нужно изогнуться пополам или превратиться в насекомое. На Рыбацкой пристани (Fisherman's Wharf) миллионы ресторанов, магазинов, тысяча человек на один квадратный метр, а на самой пристани туристы плятятся на тюленей, лежащих на плотках и, видимо, привыкших быть под постоянным прицелом человеческих глаз. Они как будто играют на публику, поднимая голову вверх и издавая писклявые звуки. Seals. Это главные местные шоумены. Showseals. Люди повытаскивали свои гаджеты и снимают зоофильмы про хохочущих животных. Тюлени жрут рыбу и хлопают лапами, а люди ржут, особенно дети, для них это целое представление. Они ещё не знают, что это за остров можно увидеть вдалеке, и чем он известен. Зато взрослые пачками набиваются в экскурсионный катер, чтобы добраться до одной из самых жестоких тюрем – до зловещего Алькатраса.

Мы заходим вглубь города, повернув от набережной к Russian Hill, туда, где фанкующие холмы достигают своей кульминации. Разноцветные домики, выстроившиеся в ряд, поднимаются или опускаются вместе с улицами. Деревья тут повсюду, ни одной улицы без деревьев с их пышной зелёной шевелюрой. Машины паркуют на улицах под углом в 45 градусов. Чтобы здесь гулять, нужно быть натренированным. Это как горный туризм. Lombard Street – венец безумия. К северу она начинает виться, как змея, образуя собой серпантинную дорогу между жилыми домами и цветочными клумбами.

В некоторых местах город напоминает мне Париж. Собор Grace Cathedral похож на Нотр-Дам, сбежавший с острова Ситэ и потерявший по дороге в Сан-Франциско несколько тонн. В этом квартале можно услышать французскую речь. Молодые французы с обострённым чувством достоинства и превосходства над остальными. Слишком надменные, если заговариваешь с ними. Фредерик посмеялся над моей любовью к песням Сержа Генсбура. Жюльен воспрял, услышав имя Луи-Фердинанда Селина. Он считает его лучшим французским писателем. Ему нравится категоричность и беспринципность Селина. Манон отказалась говорить со мной по-французски. Она всегда смотрит с презрением. Наверное, изучая социальные институты, взаимосвязи и закономерности массового поведения людей, можно заранее возненавидеть каждого встречного. А иностранец, коверкающий родной язык своим диким произношением, доводит таких французов, как Манон, до бешенства. Другая Манон обворожительная, но очень простая. Мы впервые встретились с ней, как и с остальными французами, на курсах английского языка. Манон глядела в пол, смущаясь от того, что мужская половина аудитории пялится на неё и увлечённо разглядывает. Она пропустила пару следующих занятий. Когда она наконец-то объявилась, я предложил ей погулять. Мы дошли до Голден Гейт парк. Всю дорогу я еле сдерживал себя, завести её прямо на Хайт-стрит было бы символично, но терпел, обмениваясь дежурными репликами о скучной фигне, как обычно и делают незнакомые люди, у которых нет ничего общего. Я плохо слушал, но внимательно наблюдал. Белокурая красotka с редкими веснушками на идеально ровном лице. Я попросил её говорить со мной по-французски и чуть не растёкся по холмам Сан-Франциско от удовольствия. *Qu'aimes-tu le plus en France?*¹⁵ – спросила она. Я пустился в балаболство. Рассказывал об уроках французского языка, что научился читать по-французски и по-русски практически одновременно. О том, как люблю Париж, что хочу там жить, желательно на левом берегу Сены, чтобы Люксембургский сад и Монпарнас были рядом с домом. Не знаю, возбудили ли её дифирамбы родному городу, всё-таки любовью к Парижу никого не удивишь, но, когда одновременно с языком действуют глаза и руки, скромная французская девушка с нескромным румянцем на щёках становится податливой. Поцелуй с оттенком Марсельезы пробудил в ней дьяволицу, и когда мы оказались одни в глубине парка, она расстегнула ширинку и начала действовать. Сена вышла из берегов и затопила Эйфелеву башню, Монмартр поменялся местами с Монпарнас, Булонский лес окружил Дом Инвалидов. Манон прокатилась по мне как торнадо разрушительной силой страсти, сминающей всё на своем пути. Мы почти не заметили, что где-то рядом появились люди – на расстоянии пятидесяти метров от нас. Её груди, выпрыгнувшие из лифчика, вряд ли остались незамеченными. Когда Манон заметила конфуз, покраснелась ещё сильнее и быстро слезла с меня, дёрнула за руку, и мы побежали куда глаза глядят и заблудились. К вечеру мы вышли к трассе, сели в автобус и доехали до центра. Она снова была тихой девочкой, но щёки её горели. На следующий день она уехала в Лос-Анджелес.

Один из самых колоритных районов Сан-Франциско – Chinatown. Китайский карнавал с утра до вечера. Музыка, сыгранная на ксилофонах и неведомых мне струнных инструментах. Сотни диалектов китайского языка, толпы старых и юных китайцев, торгующих всяким барахлом. Здесь можно очень дёшево пожрать. Например, купить булку за 75 центов. В других районах за эти деньги можно купить разве что воздух. Праздник здесь никогда не прекращается. И грязь с улиц не вычищают. Мы тут чуть не потерялись и не отравились едким запахом рыбы.

Ближе к вечеру нам нужно было оказаться на юго-востоке города, где собрались русскоязычные айтишники и стартаперы. Музыка в стиле техно, шашлыки на мангале, чипсы, канапе и много алкоголя – обязательный набор для таких вечеринок. Мы перезнакомились со множеством людей из России и Украины, которые приехали сюда обмениваться опытом. Все планомерно надиралось вином или вискарём, успевая обсудить свои проекты, всучить визитки и

¹⁵ Что ты любишь больше всего во Франции? – франц.

заручиться поддержкой. Русские здесь даже пьют по-деловому, сохраняя лицо потенциального бизнес-партнера. Здесь Алекс достаёт контакты и нарабатывает связи, которые, правда, ещё ни разу в полную силу не заработали. Зато хорошо работает вино, чтобы провести хороший вечер и разойтись. И никогда не встретиться с большинством из этих людей, потому что друзьями они мне стать не могут. Они преследуют другие цели.

Вечером мы вернулись в Беркли и поехали в Окленд на концерт Interpol. Всё было бы очень хорошо, если бы этим парням не вздумалось посадить свои песни на суперскоростной экспресс. Мы вышли из клуба-театра обескураженными. Макс, Рус и Ханна – потому что разочарованы. Я – потому что, когда заиграла «The Lighthouse»¹⁶, всё провалилось в бездну. Шумное море выбросило рыбу-меня на берег, я дышал свинцом, застрявшим в моих жабрах, и я бы сдох, если бы меня не подобрал свет маяка. Я выплыл из зала, как корабль, начинённый взрывчаткой. В эту минуту я хотел умереть, и чтобы рядом непременно была М. Она бы сумела меня оживить.

XII

Утро – точно иллюстрация мифа о Сизифе. Спуститься на второй этаж – испытание. На рассвете меня разбудили крики. Как будто пытаются вломиться в наш дом. На улице грязно матерился чернокожий, я различал только «fuck» и «shit», остальные слова эти ребята произносят на перевёрнутом английском, смешанном в лучшем случае с дворовым суахили. Я посмотрел в форточку и увидел парня, который по утрам забирает мусор. Перетряхивая trash и recycle, он читал рэп, жестикулируя так, будто объявлял нам войну. Словно мы забросали контейнеры фекалиями и битым стеклом. Чернокожие парни выглядят точно так же, как в клипах Кендрика Ламара. Мешковатые штаны и широкие балахоны – повседневные шмотки. Их невозможно понять. Приходится переспрашивать, что они имеют в виду. Некоторые из них лишились домов. Шляются по улицам с крадеными тележками из супермаркета. Там у них вся жизнь. Вещи и жратва. У Berkeley Bowls каждый день сидит престарелый бедолага с газетами и протянутой рукой. Иногда мы подкидываем ему центы. Он всегда здороваётся, даже если не получил ни цента. Малолетние чернокожие парнишки в Окленде могут нагрубить. Выходя из кафе, я неуклюже надевал крышку на стакан с фраппучино и всё расплескал. Ребёнок передразнил меня и показал средний палец. Его мамаша сделала бы то же самое, если б громко не орала в смартфон.

Когда мусорщик ушёл, стало тихо, как в раю. Но в голове шумел ад. Я заставил себя встать и спуститься. Рус и Мариан ещё спали. Они проснутся в лучшем случае в два часа дня. Ребята живут ночью, работают, кодят, дизайнят, курят, спорят и почти не отвлекаются. Мы говорим не так часто. Иногда выдаётся свободный час, и мы с Русом берём гитары и рубим бритпоп или фанк. Когда Рус бьёт по струнам, он входит в экстаз, запрокидывает голову и открывает рот, словно впал в блаженство. Русу не хватает безумия, поэтому его быстро заносит. Как и всех в этом доме. Они интроверты, но если поймают импульс, то способны на дикость. Их американская история – само по себе безумие.

Ханна пьёт кофе и курит в саду. Каждое утро мы встречаемся там и болтаем. В Харькове она изучала экономику и ходила в студенческий театр. У неё полно знакомых в родном городе. Она не скоро их увидит, потому что на днях получила политическое убежище, и просто так ей домой теперь не попасть. Ханна работает официанткой – в двух ресторанах по очереди. Половину зарплаты она отправляет матери.

Ханна предлагает мне связаться с одной белорусской и устроить с ней фиктивный брак. Девушка ищет напарника и готова взять на себя половину расходов. Это рискованное дело, и

¹⁶ Маяк – англ.

если проколоться хотя бы на одном вопросе, можно попасть под суд. Адвокатам нужно заплатить десять тысяч долларов. То есть, если я соглашусь, мне нужно достать пять тысяч. Ханна меня огорошила, и я отказываюсь почти сразу. Ханна начинает меня уговаривать.

– Что ты теряешь? Этот дом, солнце и сад, они от тебя никуда не денутся. Ты будешь кайфовать. Жить в Калифорнии. Ты же этого хотел! Не отказывайся. Это хороший шанс.

Но я решительно против. Никаких фиктивных браков.

Этим делом сейчас занимается наш знакомый Никита. То есть, он уже прошёл интервью и не прокололся. Его фиктивная жена живет в Чикаго. Никита мечтал убраться подальше от Москвы. Когда он приехал в США первый раз, ему пришлось потом вернуться. В Москве он не находил себе места. Его бесило всё, особенно родное шоссе Энтузиастов и московские ларьки. Теперь он в Калифорнии, и хотя у него сплошные долги, он счастлив.

Макс заикается. Его комната – проходной двор. Через неё можно выйти в гостиную, спустившись со второго этажа в ванную и оттуда зайдя к Максиму. Он постоянно вертится. Так можно совсем лишиться сна и одуреть. Я не знаю, как он держится. Наконец, его всё достало. Он соорудил себе ширму, прибил к ней занавеску, и теперь мы не видим, как Макс мечется на матрасе.

Мариан по утрам готовит превосходную яичницу. Он работает поваром в итальянском ресторане. В Кишинёве ему было душно.

– Пускай я ёбаный пиццедел, но зато в Калифорнии, а не в Кишиневе, – говорит он.

Мариан собирается на работу, которая приносит ему немного денег, чтобы не зарываться в долговую яму. Поздними вечерами он делает дизайн.

Проснувшись и сожрав свой завтрак, Макс идёт в гараж. У нас там расстроенное старое фортепиано, с липкими клавишами, которые еле нажимаются. Некоторые из них совсем вышли из строя. Макс упорно разучивает любовную тему из «Крёстного отца». Потом берётся за «Лунную сонату». Слышно, что ему трудно координировать руки, но с каждым днём он делает небольшие успехи. К нему подсаживается Ханна и играет с ним в четыре руки. Временами гараж превращается в музыкальную школу.

В гараже столько хлама, что можно задохнуться. Разбирая завалы из старой мебели и выцветших газет, мы обнаружили книги о баптизме, садоводстве, Конституцию США, Харпер Ли и старые номера «Oakland Tribune». Мы сохранили только книги и мебель, которая могла пригодиться. Остальной хлам выставили на улицу: его в течение дня подобрали бездомные. Оставалось решить, что делать с огромным двухметровым зеркалом, его выбрасывать не хотелось. Мы вынесли находку в сад и почистили. Это просто уникальное зеркало, нужно быть бесчувственной сволочью, чтобы избавиться от него.

Мы провели капитальную уборку, вылизали каждый сантиметр помещения и превратили гараж в рабочий кабинет. Провели электричество, наставили розетки и подключили к ним переходники. Теперь у каждого был стол. Мне достались небольшой чёрный потёртый столик и дырявое зелёное кресло с торчащими пружинами, так что ими легко можно было продырявить задницу. Гараж сиял чистотой. Теперь он был универсальным местом для работы, тусовок и уроков музыки.

Мы любили играть в игры, где нужно проявлять эрудицию. Чаще всего проверяли свои географические знания. Закончив с уборкой, мы сели вокруг костра, и тема разговора как-то сама собой перетекла к штатам Америки. Мы должны были называть один штат по очереди, чтобы вспомнить все пятьдесят. Калифорния-Иллинойс-Невада-Аризона-Орегон-Юта-Небраска-Техас-Алабама-Луизиана-Теннесси-Индиана-Огайо-Айдахо-Мичиган-Южная Дакота-Северная Дакота-Висконсин-Флорида-Пенсильвания-Мэриленд-Северная Каролина-Южная Каролина-Аляска-Канзас-Кентукки-Арканзас-Айова-Вирджиния-Вайоминг... Мы вспомнили почти все, кроме

трёх. Интересно, все ли американцы помнят, что у них есть штаты Род-Айленд, Мэн и Делавэр? Мы забыли об этом спросить Билла и Джеффа.

XIII

Ощущение полного счастья накрыло меня в очередной раз, когда мы сели в машину Макса и покатали по ровным, как параллельные прямые, дорогам Беркли. Когда мы въехали в центр, играла «In the death car». Город был запружен студентами, отдыхающими после лекций в кафе. Возле станции Downtown Berkeley мы не могли не остановиться и не выйти из машины: на улице играл оркестр, его окружила пёстрая толпа весёлых прохожих. На барабанах играл Бог ритма, трубы, тромбон и саксофон заменяли собой все остальные инструменты, и ещё три бородатых парня хором выкрикивали что-то про «funkin' it up». Потом я узнал, что это песня группы Rebirth Brass Band. В центре толпы азиатский парень танцевал брейк, рядом с ним плясала девушка с чёрно-белыми дредами, обмотанными розовыми лентами. Ханна пустилась танцевать с дредастой девчонкой, мы дрыгали головой в такт. В этом был весь Беркли, крохотный город жизнерадостных зевак, одна половина которых училась в одном из лучших университетов мира, другая слонялась по улицам в образе хиппарей, которые здесь никогда не переведутся. Музыка затопила всё вокруг, загипнотизировав даже копов. Весь смысл человеческих драм, спасённых судеб, сохранённых культур, рождённых детей, вылеченных больных, измотанных желанием любовников, простивших грехи святых угодников, вставших на путь исправления преступников, голодных чревоугодников, танцующих прокажённых, охраняющих свою молодость красоток, радующихся последним минутам жизни стариков, помирившихся соседей, вернувшихся в дом блудных сынов, ищущих своё место бродяг, был здесь, в этой музыке. Нам не хотелось отсюда уходить.

Билл предложил поиграть с ним и Джеффом музыку. Через два дня Билл уезжает в свой Монтерей, а потом – путешествовать по Норвегии, на три месяца. У нас было не так много времени, чтобы как следует развлечься. О поездке в Биг-Сур и вовсе пришлось забыть.

Мы чуть не разбомбили гараж к чёртовой матери. С этими двумя парнями было сложно играть. Они строили свои песни на ломаном ритме, и мне было трудно сходу уловить, что я должен сделать со своей бас-гитарой. Местами музыка превращалась в жестокое, гудящее, кипучее и зыбучее месиво, но это был настоящий бескомпромиссный панк. Под конец я оставил всякие попытки сыграть чётко и просто стал отрываться. Джефф лупил по тарелкам так, что куски железа летели в стороны, пот стекал с него в 33 ручья. Билл в своих интеллигентских очках походил на слетевшего с катушек сумасшедшего, который, казалось, вот-вот бросит гитару и начнёт душить нас с Джеффом. Но агрессия не шла дальше грифа. У нас так круто получалось, как будто мы только что создали группу The Stooges, или Sonic Youth, или Husker Du. Мы, безусловно, лажали.

Выходя на перекур, парни говорили мне:

– You're sick, man! It was fucking awesome! You're a crazy and sick young man! It's nice to play with you!¹⁷

Я всегда мечтал сыграть с американцами, потому что они по-настоящему поехавшие.

Тем же вечером Билл и Джефф выступали в нашем любимом ирландском пабе. Это была еженедельная сборная солянка, в которой могли участвовать все желающие, при условии, что они не совсем полное говно, ну или хотя бы тщательно это скрывают. Мы заняли столик по центру зала. В тот момент, когда я доедал один из лучших бургеров в своей жизни, со сцены зазвучала песня Эми Уайнхауз «Back to black», и я не сразу её узнал, потому что совершенно не был готов к этому. Когда мы только пришли, выступала скучнейшая фолк-группа, одна из сотен

¹⁷ Мужик, ты безумный! Это было охренительно! Ты безумный больной парень! Круто играть с тобой! – англ.

миллионов похожих друг на друга банд, играющих так, как если бы они проходили кастинг в ужасном римейке фильма «Нэшвилл». Я быстро потерял интерес к происходящему, и, чтобы было приятно дожидаться наших ребят, заказал бургер. И тут вдруг девушка надрывно, чуть ли не плача, поёт «Back to black». Поёт с медленным темпом, растягивая слова, бросая их на полпути и собирая заново в единстве звуков, держась за микрофон как за крест, закатывая глаза и выпячивая грудь. Это было так прекрасно и так внезапно, и некоторые фальшивые нотки так приукрашивали песню, делая её ещё более трогательной, что я расчувствовался.

Неслучайно Билл рассказывал пару дней назад про группу Ween. То, что творили Джефф и Билл в тот вечер, было полное сумасбродство в духе песен с альбома The Pod, бескомпромиссных вытряхивателей мусора из головы и сломанных пылесосов, выдувающих из-под кожи всякую дрянь. Билл бешено бил по струнам и кричал окошечку в микрофон, Джефф долбил по конгам, все в зале просто охуели. Неподготовленный зритель получает изрядную дозу яда, его начинает сильно рвать, как будто он пассажир корабля, внезапно угодившего в бурю. Можно с непривычки выплевать прожёванные куски мяса и жареного картофеля в тарелку. Выхаркивать пиво себе на брюки. Снимать их прямо здесь. И никто не понял, что произошло.

XIV

С самого начала дня мы думали о том, как закатить Биллу прощальную вечеринку. Расчистили гараж, накупили пива и сосисок, притащили инструменты. Джефф ещё спал. Накануне он пил до утра, и Кейси с трудом удалось его уложить. Сначала он заснул на крыльце перед дверью, потом кое-как оказался на веранде. Кейси пришлось постараться, чтобы управиться с его пьяной тушей и донести до кровати. Джефф бросился в глубокий сон, словно в бездну.

Уже начинало темнеть, а мы всё бездействовали, и Джефф не просыпался. Билл привёл свою подружку Зое. Спустя несколько кварталов томительных ожиданий Билл предложил показать нам the most beautiful place in Berkeley¹⁸. Этим местом оказалась скала индейцев, на другом конце города. Мы без труда поднялись на самый верх скалы, откуда открывался фантастически красивый вид на весь округ Сан-Франциско. Было уже совсем темно, и рядом виднелись скорее силуэты людей, чем они сами. На краю скалы сидела пара влюблённых, смотрела на розовое, как кисель, небо. На горизонте, слева от них, фотографировались японцы. Рус и Мариан замерли, изучая проявляющиеся на небе звёзды. Билл поглядывал на нас, приговаривая: «Fantastic, man! Look at the sky, man! Breathe it in, man!»¹⁹ Меня заносило в сторону залива, мои мысли уже резвились там, хотя я почти его не видел. Несмотря на темноту, я представлял всё это в ярких красках при свете дня и влюблялся в индейскую скалу. Здесь можно было подняться на самую вершину мира и смотреть на великое божественное творение. И в это время появлялся Господь, многозначительно улыбаясь, он шептал: «Ну как тебе, старина? Нравится здесь? Это Сан-Франциско, друг, это одно из лучших мест, что я создал». И нет больше ни одной тяжёлой мысли, нет физических ощущений, которые невозможно преодолеть в своём сознании. Скала вращала в меня как каменный ноготь, и я становился её продолжением, её подвижной частью, способной покинуть основание. Меня отвлек старик, в которого я, не заметив, выпустил дым сигареты. Я был как никогда вежлив и учтив. Рус и Мариан потерялись из виду, потому что они улеглись. Билл по-прежнему разговаривал непонятно с кем.

Я видел, что в небе шли приготовления к вечеринке. Мимас, Энцелад, Тетейя, Диона и Рея накрывали стол. Мефона и Паллена командовали на кухне, Сиарнак встречал гостей. Гирроккин дочиста вытирал кольца, Ярнсаксе было велено их надевать на тело Сатурна. Альбиорикс наблюдал за порядком, Дафнис флиртовал с Пандорой и Еленой, Мундильфари засло-

¹⁸ Самое красивое место в Беркли – англ.

¹⁹ Фантастика, мужик! Смотри на небо, мужик! Вдыхай! – англ.

нял гостей от ветра. На вечеринке была премьера нового шоу известной танцевальной труппы. Бетельгейзе, Альнилам, Беллатрикс, Минтака, Хатиса, Саиф, Ригель и Альнитак на этот раз поставили номер «Охота на оленей». Они так изящно передвигались по небосклону, что я не мог оторваться от невероятного зрелища. Сатурн приготовил тост. Поллукс увидел меня и передал привет от остальных участников шоу. Мы с ним были как две капли воды. С Кастором мы последний раз виделись прошлой весной. Поллукс весь сиял. Сегодня он пересиял Капеллу. Царила атмосфера настоящего праздника. Никто в Сан-Франциско не знал, что происходит над городом в сумерки и в течение ночи.

Мы вернулись домой, в гараже нас поджидали Джефф и Кейси. Они уже жарили сосиски с Ханной. Джефф притащил свой потрёпанный джембе и время от времени шаманил, выступившая индейские ритмы, пока Кейси нанизывала сосиски на шампур. Мы проголодались. Рус расчехлил свой фендер, мой бас был наготове. Биллу ничего больше не оставалось, как сходить за терменвоксом. В нашем гараже образовался угашенный алкоголем оркестр, и мы уже за себя не отвечали. Мексиканские соседи слева от нас давно уже привыкли к шуму, но сегодня будет infernalная ночь. Им лучше спрятать дочку в подвале, чтобы она не проснулась посреди ночи в холодном поту. Парню на дереве лучше сразу подготовить мягкую почву под собой, чтобы не ушибиться в ночи, когда он свалится вниз. Простите, соседи, но Билл уезжает, и мы должны его как следует проводить. Мы написали вам записку. Она висит на нашей двери. Извиняемся заранее. Dear neighbors, sorry for the noise. Our lovely friend is leaving to Europe tomorrow. Please message this number if we are too loud. 312-231-123-321-213-132. Any time. Sorry for inconvenience²⁰. Соседи не звонили. Они всё поняли, были готовы потерпеть, ведь это временные неудобства. Всего одна ночь.

Музыка текла, как алкоголь. Мы смешивали всевозможные группы и песни, одна перетекала в другую и вытекала обратно. Funkadelic (Maggot brain), Blondie, The Doors, Interpol, White Stripes (ну конечно «Seven nation army»), Lenny Kravitz («I belong to you»²¹), The Verve, Elvis Presley, Pink Floyd, Nirvana, Pavement, Frank Zappa, The Cure, тысячи песен и тысячи гармоний. Текилы уже не осталось, в ход пошло вино. Мы бушевали. Билл учит нас говорить с калифорнийским акцентом. Растягивать звуки. «Fucking damn», dmn. Мы стараемся произнести это как калифорнийцы. Как Билл. Но он хочет говорить по-русски. Он просит нас переводить слова на русский язык. Мы объясняем, что значит fucking damn на нашем языке. Билл старается это произнести: ёбании чоот. Ёбаании чоут. Ёбанииии чйот. В его голове не укладывается, что перед буквой «т» может быть звонкая, рычащая «р». Надо придумать что-нибудь попроще. Билл просит перевести слово «fire». Огонь! Биллу нравится! О-гонннь. О-гонннь. Он наваливается на звук «н'» всем весом своего языка. Это так звонко, что лопаются барабанные перепонки. ОгоНННННН'. Джефф и Кейси присоединяются. Американцы стараются произносить наши русские слова. Им определённо нравится. Весь гараж звенит словом ОГОНЬ. Всё-таки звук «н'» они произносят слишком высоко, по-китайски. Можно услышать, как трепыхаются их нёба и вибрируют носоглотки. Они просто голову потеряли, так им нравится это слово. Билл произносит свою сакральную фразу о русских. You Russians have ОГОНЬ in your souls²². Билл изучает карту России по нашим душам. Мы можем стать его проводниками в Россию. Как он становится кем-то вроде сиюминутного проводника в Калифорнию для меня. Это просто магический культурный обмен, в то время как в мире повышается градус. Мы бьём по холодной войне горячей любовью.

²⁰ Дорогие соседи, простите за шум. Наш дорогой друг завтра уезжает в Европу. Пожалуйста, пишите на этот номер, если слишком громко. В любое время. Извините за беспокойство – англ.

²¹ Я принадлежу тебе – англ.

²² У вас, русских, есть ОГОНЬ в душе – англ.

Мы перебирали песни, какие знали наизусть. Я решился и запел Нэта Кинга Коула. *A blossom fell and very soon I saw you kissing someone new beneath the moon. I thought you loved me, you said you loved me. We planned together to dream forever. The dream has ended, for true love died. The night a blossom fell and touched two lips that lied*²³... Я впервые услышал её в «Опустошенных землях». О, неприкаянные Кит и Холли! Блудные дочери, загнанные пасынки Америки, шастающие по грязным и вырождающимся полям и лесам, проклятые отцами и матерями, отторгнутые всеми и всюду, вынужденные убивать, ненавистью отвечающие на ненависть, застигнутые врасплох, агрессивные и беспристрастные, жертвы и виновники. Изнасилованные души, чьё существование – пощёчина мироустройству. Мы встречаем Кита и Холли на каждом шагу, особенно в глуши тёмных улиц и перед зеркалом. Мы все вынуждены бунтовать без причины или послушно идти за чудовищами. От безропотности до пистолета нас отделяют два шага: страх и презрение к самим себе. Совесть – это шлюха, которой приходится выживать.

I thought you loved me, you said you loved me. We planned together to dream forever. The dream has ended, for true love died... в одну из июльских ночей я пел эту песню М. Её рядом не было, она *was kissing someone new beneath the moon*. Я чувствовал себя преданным и хотел бежать, как Кит, по грязи и строить шалаши в лесу, но мне хватило духу только на то, чтобы нажраться в одну рожу и глотать сопли. И попадать в ноты. Даже в состоянии полного опустошения я не забывал о том, что хорошо бы попадать в ноты.

Кажется, я попал в ноты, в противном случае Джефф, Билл, Зое и Кейси хлопали бы мне из жалости. Либо от удивления: не каждую ночь парень из России споёт тебе «*A blossom fell*».

– *I love Badlands so much, have you seen that movie?* – спрашивал я.

– *Yeah man! It's great!*²⁴ – отвечали они.

XV

Вообще мы собирались пойти спать. Обнять Билла на прощание и проводить к Джеффу. Но внезапно он предложил безумную идею. В нескольких километрах от нас есть кладбище, в Окленде. Оно расположено на горе, и с его верхушки открывается бесподобный вид, ещё чудеснее, чем со скалы индейцев. Пока мы дойдём, уже будет светлее, говорит Билл, и мы увидим запредельную красоту, сумерки, поглотившие Окленд, растянувшийся от порта до Сан-Франциско залив и безупречные горы. Нас даже не пришлось уговаривать. Я было заикнулся о том, что жутко хочется спать, но Рус оказался убедительнее: «Приключение же! Когда ты ещё погуляешь ночью по кладбищу в США?»

Билл надел маску чёрта и вывел нас на тропу приключений: Зое, Руса, Макса, Мариана и меня. На часах горели три часа ночи. Мы свернули на Альтаграс-авеню и пошли прямо на восток. Разумеется, на улице ни души. В ближайшем работающем ночью магазине на автозаправке мы купили чипсы, печенья и сигареты, бутылку вина захватили из гаража. Едва мы отошли от магазина, как заморосил небольшой дождь. Слабо освещаемый фонарями Окленд ночью сам походил на кладбище. Похожие друг на друга дома ничем не отличались от мертвецов. На католической церкви святого Августина зловеще сверкал белый крест в арке окна над входом в здание, освещаемый снизу вверх. В глухой темноте этот огромный белый крест был единственным знаком, указывающим на благоприятный исход нашего путешествия. Всё остальное говорило о том, что нас съедят.

По пути к кладбищу мы разговорились с Зое. Она интересуется, что меня больше всего привлекает в Америке. Я говорю, что нельзя переоценить её вклад в мировую культуру в XX

²³ слова из песни Nat King Cole – «*A blossom fell*»: Цветок упал, и вскоре я увидел, как ты целуешь кого-то другого под луной. Я думал, ты любишь меня. Ты говорила, что любишь меня. Мы вместе хотели мечтать. Мечта закончилась, любовь умерла. Ночью цветок упал и коснулся двух лживых губ. – англ.

²⁴ Я очень люблю «Пустоши», вы смотрели? – Да, великий фильм! – англ.

веке, что Америка дала миру множество прекрасных музыкантов, писателей и кинорежиссеров, и за это её нельзя не любить.

– Точно также я думаю о русской культуре, – призналась Зое, – Я перечитала всего Достоевского. Я увлеклась им всерьёз, когда погружалась в русскую литературу. Конечно, я начала с Гоголя, Толстого, Чехова, Тургенева, Достоевского откладывала. Но «Преступление и наказание» перевернуло меня. Я была ошеломлена, не могла успокоиться. И мне показалось, что я начала постигать русскую душу. Но когда я взяла в руки «Братьев Карамазовых», я окончательно была побеждена. Это – одно из моих самых незабываемых книжных приключений. И, если честно, я считаю «Братьев Карамазовых» лучшим романом в истории литературы. Рядом с ним остальные книги неполноценны. И ни один американский писатель не сравнится с Достоевским.

Её последние слова заставили меня испытать гордость. В эту минуту я мечтал о том, чтобы её показали на российском телевидении. С одной стороны, это, конечно, потешило бы самолюбие россиян, но с другой они бы увидели, как рушатся стереотипы.

– Кино в России снимали прекрасное. Особенно в советское время. «Броненосец Потёмкин», «Застава Ильича», «Июльский дождь» и многое другое, я очень люблю эти фильмы, – Зое меня просто ошеломляет своими знаниями, – И, конечно, картины Тарковского. Я видела все его фильмы. Я бесконечно люблю «Зеркало». Считаю, что Тарковский – один из величайших режиссёров. Россия дала миру не меньше прекрасного, чем Америка. Я всегда говорила это.

Я был окончательно завоёван. Но на комплименты продолжал отвечать комплиментами.

– Кто мой любимый американский режиссёр? Пол Томас Андерсон, – ответила она на мой вопрос.

Сначала я с удивлением отмечал, что так говорил почти каждый американец из тех, с кем я обсуждал кино. Все были просто без ума от «Ночей в стиле буги», или «Нефти», или «Мастера». Потом я понял их восторг. Что касается Зое, то она спокойно относится к Вуди Аллену, зато любит братьев Коэнов. Обожает Стэнли Кубрика. И ещё ей нравится нуар. Мы остановились на том, что всегда можно проложить мостики между людьми, между русским и американцем. Что бы ни вещали с экранов и мониторов политики, популисты, ангажированные журналисты, самодуры и прочие безобразные чудовища, у нас нет причин для вражды.

Тем временем дождь усилился, а мы подошли к забору, отделяющему улицу от кладбища. Позади нас остались станция Rockridge, Колледж-авеню, эстакада и забытые богом пустынные улицы, омываемые прохладным ливнем. В моей голове «тыквы»: I can't go on digging roses from your grave to linger on beyond the beyond Where the willows weep and the whirlpools sleep You'll find me the coarse tide reflects sky... And the night mare rides on! And the night mare rides on! With a December black psalm And the night mare rides on!²⁵ Скрежет гитары в проигрыше, словно срывающийся ветер, захлёстывающий дождевыми каплями лицо. Перкуссия шёпота призраков гуляет по мокрой траве. Силуэты людей и домов оживают словно оборотни. Щемящая тревога съедает радостью приключений, пронзает сердце насквозь и вытаскивает его наружу. Сердце как барабаны со всеми хай-хедами, райдом, крэшом, бочкой, томами и альтами. Оно играет без ударника. Желудочки качают кровь со скоростью адронного коллайдера. Мы все поглощены тем, что сейчас будем нарушать правила. Проникать на территорию кладбища в то время суток, когда оно закрыто для посетителей. Билл ведёт нас за собой, как апостол-бунтарь.

– Don't be afraid, guys, follow me²⁶, – подбадривает он.

Обходим забор с самой незаметной для камер и других посторонних глаз стороны и перелезаем. Двухметровый скользкий забор, готовый в случае неаккуратных движений вонзиться

²⁵ слова из песни The Smashing Pumpkins – «Behold! The night mare»: Я не могу и дальше выкапывать розы из твоей могилы, чтобы задержаться за пределами запретного, где плачут ивы и спят водовороты. Ты найдёшь меня там, где грубый прилив отражает небо. А кошмар продолжается! Кошмар продолжается! Чёрным декабрьским псалмом кошмар продолжается! – англ.

²⁶ Не бойтесь, ребята, следуйте за мной – англ.

острием в яйца и задний проход. Мы по очереди преодолеваем опасную высоту и спрыгиваем в кусты. Словно воры или извращенцы, мы попали на кладбище Сейнт Мэри, боясь быть застуканными.

Нарезаем круги, поднимаясь по горе вверх, мимо могил и надгробий, урн с прахом и мавзолеев. Это не просто кладбище, это огромный парк мертвецов, отдельный город на костях, где для всех усопших созданы просто восхитительные условия. Три гектара успокоительной земли, поднимающейся к небесам. Мы смотрим на это и охреневаем. Да тут просто великолепно лежать мёртвым! Вокруг всё ухожено, ровный стриженный газон, чистейшие дороги, эвкалипты, ели, сосны, секвойи, калифорнийские цветы, которых в темноте не различить. Среди деревьев бегают олени. Все надгробия похожи друг на друга, одного размера, одного стиля. Белые каменные глыбы в полметра, в которых нет ничего лишнего. Потрясающая иллюстрация равенства и единства всех людей после смерти. Никаких тебе позолоченных крестов, гранитных пафосных памятников с фотографиями во весь рост. Только белые камни с высеченными именами и датами рождения и смерти. Никаких оград и заборчиков, отделяющих одну могилу от другой. Расстояние от камня до камня – не более метра. Всё поле усыпано надгробиями, а на некоторых участках камни разместились под деревьями. Под таким изящным зелёным газоном трудно представить, что по трупам ползают черви. В атмосфере чистой зелени, стройных деревьев, которые разносят по полю воздух вечной жизни, просто не может быть грязных, разъедающих мёртвое мясо червей. Здешним усопшим можно позавидовать. Рай, спустившийся на землю, под которой они погребены, их спокойствию не помешают даже такие ночные мудаки как мы, наоборот, они показывают нам свой загробный уют и рассказывают о том, что, в сущности, смерть – это не страшно. Если всё сделаете правильно, говорят они, Господь после смерти в беде не бросит. Он не поступает так с хорошими парнями. Посмотрите на наши поля и поверьте на слово.

Наверное, прошло уже полчаса, как мы нарезаем круги, гуляя по кладбищу под затянувшимся дождём. Билл ведёт нас на самую высокую точку кладбища, и это уже, видимо, Mountain View Cemetery. Рядом с высокой насыпью, венчающей пик горы, мы видим тракторы, самосвалы и пустые гробы, зловеще вырисовывающиеся в сумерках. Они лежали в грязи, видимо, дожидаясь очередного мёртвого клиента, либо были списаны в утиль гробовщиком, недовольным своей работой. Всё это выглядело как остановленная и замершая на ночь работа по транспортировке трупов и расфасовка тел по гробам. Я не приблизился к тракторам и гробам из-за грязи, засасывающей ноги. К тому же остальные уже поднялись на насыпь и присвистывают от удивления, смотря вдаль.

И действительно, здесь мы были ещё выше, чем на вершине индейской скалы. Весь San Francisco Bay Area был как на ладони перед нами. Можно было увидеть всё: как спокойно перед рассветом лежит эта часть Калифорнии, омываемая заливом Сан-Франциско. Можно было едва-едва распознать вдалеке небоскрёбы делового центра Сан-Франциско, порт Окленда с его кораблями, яхтами и баржами и близлежащие районы Окленда. Очень хорошо было видно, как далеко простирается залив, отделяющий Аламиду от Сан-Франциско. Ради этого стоило сюда притащиться в такую рань под обстрелом дождя, который вот-вот да обрушится на нас диким ливнем. Мы стояли на самом пике Маунтин Вью и стучались головами в покои Бога, ему было очень легко принимать новые отошедшие души здесь, где они могли видеть, в каком умиротворении лежат их тела на этом райском кладбище. Отсюда очень приятно наблюдать за тем, что происходит вокруг, потому что кажется, что среди всей этой ювелирной божественной красоты просто невозможны убийства, предательства, разбои и прочие человеческие несчастья. Всего этого предостаточно в Окленде, всё это происходит в Сан-Франциско, случается и в Беркли. Люди всегда недостойны тех мест, в которых они живут.

Ливень начинает нас нещадно хлестать. Он просто сошёл с ума, ничто не способно сдерживать обезумевшие потоки воды. Одежда прилипла к коже, кроссовки отяжелели от воды,

и передвигаться стало крайне проблематично. Казалось, что прямо сейчас мы оказались в эпицентре большого всемирного потопа, и все мы в мгновение ока погрузимся на дно мирового океана. В такие минуты всё всегда кажется сверхъестественным, потусторонним. Любой шорох, любой свет, любой звук принимается за предзнаменование чего-то страшного и пугающего. Когда мы начали спускаться, то заметили невесть откуда взявшийся свет, который блуждал по дорогам и тропинкам рядом с нами. Это был свет от фонаря или фар, и он был недружелюбен. Нам показалось, что нас спалили и принялись искать. Мы бежали от этого света прочь, сбегали с дороги к деревьям, врезались в них, прятались за деревья, чтобы этот фонарно-фарный луч не выхватил нас. Возможно, мы затапывали экзотические цветы, а под нашими ногами пробуждались и шептались обеспокоенные покойники. Возможно, мы начали их бесить своим топотом, и нас уже проклинали из-под земли. Мы больше не думали об этом, потому что страшнее всего сейчас – быть застуканными копами, охранниками или ещё кем-либо, у кого есть пушка и право стрелять. Спустя несколько минут свечение усилилось, казалось, что источник света уже не один. Выглядывая из-за деревьев и кустов, я видел, как по дороге катилась машина и была в темноту фарами – в двух километрах от нас, внизу. Кажется, она поднималась. Мы дёрнули в другую сторону прочь. Мы, должно быть, совсем заблудились. Было одновременно весело, жутко и страшно. Если бы можно было пробить дыру в груди, сердце бы давно это сделало, но нет, оно раздувалось до размеров Сатурна, а заодно раздувало и меня. Я не бежал, я катился по земле, как ком из грязи и воды. Мы все были в этом равны. Разве что Билл на правах предводителя нашей шайки сохранял человеческий вид. Начали шутить о том, что будет смешно и нелепо, если нас застрелят на кладбище из ружья секьюрити, если мы получим пару пуль и свалимся на мертвецов. Всё это щекотало нервы.

Каким-то непостижимым образом, перебегая от дерева к дереву, спускаясь по траве и минуя предназначенные для людей и машин дороги, мы оказались у забора, через который недавно перелезали – но прямо рядом с деревянным (кажется) домиком, на который тогда мы не слишком обратили внимание. Сейчас же мы от страха жались к стенам неведомого здания, потому что яркий свет приближался и разъярённо выхватывал у мрака площадку перед центральным входом, справа от нас. Кажется, всё предопределено, и нас сейчас поймают. Но через мгновение Билл резко дёрнулся к забору, все остальные тоже, и мне ничего не оставалось, как сорваться следом за ними. Мы перелезли через забор со скоростью электрического тока и, видимо, набравшись смелости, вышли к улице, упирающейся в кладбище. Мы тут же ощутили себя запуганными идиотами – перед нами красовались лишь самосвалы, выгребающие мусор из переполненных контейнеров. Ни одной ментовской машины. Ни одного человека с подозрительными глазами. Мы просто попались в лапы тупого необъяснимого страха, которого бы не было и в помине, конечно, если бы не шило в заднице.

Можно вздохнуть спокойно. Впереди – полчаса до дома под разъярённым ливнем. Мы сами превращаемся в воду. Мы – вода. Вымокли так, будто возвращаемся домой вплавать через океан. Первый за долгое время калифорнийский дождь оказался беспощадным и настойчивым. И он вычистил всё это засушливое дерьмо.

Несмотря на то, что дело близилось к рассвету, было трудно понять, что происходит с Оклендом, то ли он ещё весь чёрный, то ли начинает проявляться в сумерках, которых мы не замечаем из-за мрачной пелены на глазах из страха, воды и адреналина. Но Алькатрас-авеню, которую я всё-таки узнал, как будто растянулась на тысячи километров. Её просто размывало водой, и сами мы скорее походили на дождевые облака, нежели на людей. Расстояние до дома казалось вечным. Мы шли, не говоря ни слова. Кто бы ни попадался на глаза. Впрочем, в такую рань на пути встречались лишь скупсы и сумасшедшие кошки. Оказывается, я брал с собой телефон. Он издавал непонятные звуки, и до меня дошло, что сейчас он просто выйдет из строя – я уже ничего не мог с ним поделать. Рус и Мариан смеялись над тем, как звенел мой

телефон. Отсмеявшись, ребята больше не проронили ни слова, да и мы с Зое даже не пытались возобновить былой разговор.

Когда мы свернули на Вулси-стрит, и до дома оставалась буквально пара шагов, дело шло к семи утра. Безумец Билл обнял каждого из нас, сверкнул своими безумными зрачками (очки запотели, и он их снял), его доброе лицо выглядело совершенно жутким – лицом абсолютно чокнутого человека. Но даже в состоянии такого угара в каждой черте улавливалась мудрость – несомненно, перед нами стоял величайший мудрец Калифорнии, знающий эту часть страны наизусть. Тогда я поверил, что с Биллом можно было бы обойти всю Америку, даже сунуться в какой-нибудь Комптон или к обездоленным отщепенцам вдоль реки Миссисипи. Он бы нашёл выход из любой ситуации – от самой глупой до самой опасной. Билл смотрел на нас глазами пережившего всевозможные трудности Бодхисаттвы. В его глазах таилось много отцовства, апостольства и безумства. В ближайшие три месяца мы не увидим этого героя Америки.

Нам пришлось как-то договориться, кто за кем ползет в ванную. Мы сняли одежду прямо на крыльце, закинули мокрые шмотки в сушилку. Вода стекала с нас ведрами. Ещё немного, и дом бы затопило. Самое главное, что нужно было сделать – настроить себя на то, чтобы не заболеть. Никаких болезней. Мы слишком сильны для них, они не смогут нас одолеть.

У меня есть всего лишь четыре часа сна. Утром я выезжаю в Сан-Франциско.

Staying Long

I

Нарек уже почти год живёт и учится в Сан-Франциско, оставив в Москве музыкальную группу и любимую женщину – ненадолго. В Россию он вернётся зимой. Мы раньше никогда не виделись и не общались, но заочно друг друга знали. Нарек искал всевозможные пути на большую сцену, иногда ему везло, но чаще – обстоятельства переворачивали дело вверх тормашками. В одном из журналов он анонимно разместил историю взаимоотношений и конфликта с шарлатаном, косившим под продюсера. Нарека обвели вокруг пальца. Он клюнул на мнимую доброту, не подозревая, что его крепко берут за яйца и разводят как подростка. А когда спохватился – запахло жареным. Когда Нарек встретился с «продюсером» впервые, он ещё не знал, что человек, который сейчас будет вешать на уши лапшу обещаний, вышел из тюрьмы, отсидев за мошенничество. Мужик был приветлив и красноречив, убедительно рассказывая о продуманном плане продвижения группы Нарека к музыкальным вершинам. Проявил громадный интерес – вселил надежды и уверенность. Взялся за раскрутку и сразу же сыграл в щедрого мецената: арендовал для Нарека квартиру на Цветном бульваре. Купил гитару, синтезатор и всякую аппаратуру для группы. Аттракцион милосердия и великодушия заработал в полную силу. Песни писались на хороших студиях, с первоклассными инструментами, деньги никто не жалел, но дальше социальных сетей они никуда не попадали. Обещанные радио, телевидение, большие концерты, фестивали и прочие радости рок-звезды так и не случились. Мужика хватило на полгода. Тут он объявил Нареку, что проект не окупается, и начал требовать с музыканта денег – возвращать вложенные инвестиции, которые ни к чему не привели. В ход пошли угрозы, грязные письма, обещания избить, уничтожить, засудить, закопать под землю, взорвать и растерзать. Нарек стремглав вылетел с хаты на Цветном бульваре, оборвал все связи, заручился поддержкой каких-то юристов, которые, прочитав контракты, подписанные с «продюсером», крутили пальцем у виска. В конце концов, мужик угрожать перестал и отвалил, предварительно забрав у Нарека все инструменты. Впоследствии они достались другим музыкантам, клюнувшим на удочку очередного развода. С другой стороны, один из своих проектов ушлый продюсер всё-таки довёл до ума, набрав талантливых поэтов и сделав с ними литературное шоу, хорошо раскрученное в соцсетях. Мужик оставался верен себе, подчиняя поэтов и ставя им ультиматумы, находя причины не платить обещанные деньги и создавая им комедию положений: поэты, словно курьеры, развозили приглашения на собственные концерты по квартирам своих же слушателей.

История с продюсером сделала Нарека недоверчивым к незнакомцам. В Москве он как-то проигнорировал меня то ли из-за своей спеси, то ли недоверчивость вошла в стадию кульминации. В Америке всё было по-другому. Нарек даже предложил мне пожить у себя в Сан-Франциско: в конце сентября у него освободится на две недели соседняя комната. Его сожитель армянин Арсен смотается домой в Пятигорск, и я смогу въехать. У нас с Нарексом большие планы: отрепетировать музлю и задать жару в парке Голден Гейт.

В день, когда мне нужно было покинуть Беркли ради Сан-Франциско, я проснулся с квадратной головой после дьявольской ночи с девятью кругами ада, вросшими в мозг. Меня штормило: словно пробуждение – это взбесившийся корабль, несущийся в самое пекло разъярённых морских волн. Идеальное спокойное состояние дня контрастировало с моим и дождливым мракобесием ночи. Было тепло, и солнце приятно обжигало лицо. Прежде чем сунуться в BART, просто необходимо выпить кофе, в противном случае я разобью окно поезда и брошусь в океан. Лучший кофе в Беркли можно найти на Шаттак-авеню в лавке араба. Я собрался за пять минут:

взял несколько шмоток, гитару и 500 баксов. По моим подсчётам, этих денег хватит на пару недель, если сильно не разбрасываться. Нарек объяснил, что я должен сесть в автобус на Гири-стрит и ехать по прямой через весь город, почти до самого конца. Так что я выскочил со станции Embarcadero на площадь и пошёл искать Гири-стрит. Думал, что легко разберусь в этом городе с его прямыми улицами и предельно понятной навигацией, но заблудился, как топографический кретин. Потребовалось минут двадцать, чтобы отыскать нужную улицу среди всех этих О'Фаррелл, Пост, Маркет, Пауэлл, Стоктон и Мейсон-стрит. Нарек названивал, не скрывая ворчания: просил поскорее приехать, потому что у него мало времени и куча дел. Когда я подбежал к пересечению Гири и Пауэлл-стрит, рядом с Юнион-сквер, автобус уже всасывал в себя пассажиров. Я долго считал мелочь перед водителем и выглядел, как дебил. У меня не было третьей руки, чтобы придерживать сумки и гитару, пока одна держит горстку монет, а другая выскивает 50 центов среди десятицентовиков. Автобус переполнен, свободных кресел нет. Мне предстояло катиться по Гири-стрит минут сорок. Не больше, но и не меньше. Я проклинал автобус за то, что он делал остановку почти каждые две минуты. Но зато люди постоянно выходили и входили, так что довольно скоро освободилось место. Рядом со мной шумели японские дети, я очень хотел заткнуть им рот, потому что голова раскалывалась. Дети невыносимы. Нельзя так громко визжать, мать вашу! Особенно в автобусе. Повышение градуса злости и раздражения в общественном транспорте – отпечаток Москвы.

Мне нужно выйти на Шестой авеню. Нарек уже был на остановке. По ту сторону окна показалась его негритянская шевелюра. Нарек похож на Ленни Кравитца. Высокий, подтянутый, загорелый армянин с вьющимися афро-волосами – словно фанковая папаха. В зелёных штанах и синей футболке со знаком «Rease» он выглядел, как миролюбивый хиппи, но спрятанные за жёлтыми очками жирные глаза с блуждающими зрачками выдавали в нём маньяка. Если бы не музыка и воспитание отца-детского писателя, Нарек, вероятно, убивал бы людей. Ещё он показывает огромные белые зубы – такими можно отгрызть человеческие руки.

Двухэтажный дом, в котором проживал Нарек, находился на самом углу Шестой авеню и Анза-стрит. По соседству на нашей стороне улицы – полицейский участок, напротив – общежитие студентов, откуда выходили привлекательные девчонки, что уже было хорошим знаком.

Квартира Нарекы – на первом этаже. Нас от неё отделяют стальная калитка и деревянная дверь. В квартире – две комнаты, кухня за дальней комнатой и ванная – направо от входной двери. Я поселился в дальней комнате – на огромном кожаном диване. Курить разрешалось в ванной. Рядом с сортиром на табуретке стояла пепельница, заваленная окурками.

Нарек отправился в музыкальный колледж, а я свалился спать, потому что страшно вымотался. Вечером мы пошли за продуктами. Я уже охреневал от изобилия в супермаркетах в Беркли, а здесь в Сан-Франциско просто сошёл с ума. Мы были в дешёвом магазине, местной «Пятерочке», как сказал Нарек, но они тут устроены как дворцы-ангары – широкие ряды с перегруженными полками. Разбегались глаза, я хотел сожрать это всё: артишоки, на которые никогда не обращал внимания, а здесь их куча, кукурузу, картошку разной породы, всевозможные сорта яблок, авокадо и маракуйю, яйца всех существующих на свете птиц, бесчисленные полуфабрикаты, соблазняющие яркими упаковками, кучу разного бесполезного и, скорее всего, отвратного пойла, шоколад, молочные коктейли, кофейные напитки и прочую дрянь, включая американский, всегда мягкий и сладкий прямоугольный хлеб. Мы забили продуктами тележку до самого верха: макароны, картошка, сосиски, молоко, овощи, фрукты, хлеб, чипсы, кукурузные хлопья, куриные ножки, соусы, чай. Просто куча жратвы. На всё про всё у нас вышло сто с хреном долларов. В соседнем ликёр-сторе мы взяли ящик пива и водку, вызвали убер и погнали домой.

Я никогда так много не жрал. Нарек вывалил почти всю пачку макарон в кастрюлю и куриные ножки на сковородку. Мы не ели весь день и теперь забили желудок до отвала, так что там всё раздулось. Мне стало трудно дышать. Пиво ещё больше усложняло дыхание, и я думал,

что помру, как чревоугодная тварь. Слава богу, мы смотрели русский музыкальный канал. Там крутили всякое дерьмо – это помогало выпускать газы. Поздним вечером мы вышли на улицу забить косяк. Вспоминали Москву, раскуриваясь напротив полицейского участка. Вернувшись домой, выпили несколько стопок водки «Stolichnaya» за Россию, которая была далеко.

II

Я слишком рано начал думать и скучать по России. Но сначала были новости. Никогда не смотрите новости. И лучше не читать ленту фейсбука. Видеоролики-триллеры. Сумасшедшие. Новости про идиотов для идиотов комментируют идиоты. Соцсети смердят трупами и грязью. Ошалевшая мамаша гордится сыном, которого разворотило на Донбассе. В метро избили женщину за американский флаг на футболке. Русские сцепились с украинцами в ветке комментариев. Никто не выполняет минские соглашения. Телеведущие трясут ядерным оружием. Телеязыки покрыты гнойниками угроз, с них капают слюны ненависти. Всё рвётся и разбивается с треском об голову зрителя. Ничему нельзя верить. Когда ты вдали от родной страны, к новостям которой привык, всё происходящее там воспринимаешь слишком близко к сердцу – если ещё надеешься вернуться. И вот мы сидим и охуеваем. Но мы совершенно не читаем местные новости. Мы не знаем, что происходит в Америке. Правда в том, что везде происходит одно и то же: убийцы убивают убийц, насильники и жертвы меняются местами, ублюдки пожирают друг друга. Извращенцы, религиозные фанатики и спятившие маньяки везде одинаковые, что в Москве или в Ярославле, что в Нью-Йорке или в Цинциннати. Не стоит идеализировать Америку только за то, что в ней есть Принс, Джордж Клинтон, Дэвид Бирн, Мартин Скорсезе, Джоэл и Итен Коэны. Не стоит идеализировать Россию только за то, что тебя там вырастили и выкормили. Но мы родились в России, и всё, что с ней происходит, касается нас. Мы будем отчаяннее рвать на голове волосы, если всё безнадежно и невыносимо, громче радоваться, если всё чрезвычайно прекрасно. Мы можем пропустить мимо сказанные между делом слова о той же Америке и тем более о Бангладеше, но любой, пусть даже глухой звук, в котором почти незаметно слышится Россия, заставит нас прислушаться и вслушиваться. Бывают исключения, но для этого должно произойти что-то из ряда вон выходящее. Мы безответно любим страну и хотим любить её ещё сильнее, но для этого либо нам нужно смириться и попридержать наши представления о ней, ожидания и желания, либо страна должна извергнуть из себя всех подонков, наступающих ей на горло.

Нарек жалуется, что в России тяжело заниматься музыкой. Его окружают тщеславные, ленивые, бескультурные ублюдки, которым на всех насрать. Нарек распаляется: «Меня однажды динамил директор одного фестиваля. Я ему написал, ну, ебать мой хуй, неужели нельзя ответить, дорогой мой человек? Тебя этике, что ли, не учили? Что за профнепригодность, дружище? Что ты игноришь меня, как школьника? Тебе самому комфортно? И знаешь, что он мне ответил? Ты еблан, нахуя ты мне это дерьмо пишешь». Нарек выходит из себя: «Они, блядь, жалуются, что им пишут все подряд! Представь себе, сколько промоутерам пишут в Штатах. Не десять писем в неделю. Не десять в день. И кому в Калифорнии нужна российская группа? За неделю я организовал пятиконцертный тур по этой самой Калифорнии, с промоэфирами и интервью в тех городах, которые нас принимали. Мой педагог одновременно работает продюсером, преподаёт в институте, сам пишет музыку, лицензирование которой принесет ему не так мало денег, а ещё он управляет большим парком в Сан-Франциско. Он просыпается в шесть утра, ему пятьдесят, он курит марихуану, пьёт алкоголь и до кучи агент одного из участников «Бисти Бойз». И ему на всё хватает времени и культуры. И отвечает он всем. Вообще всем. Даже сумасшедшим. Потому что в условиях конкуренции ты не можешь быть мудаком. Тебя должен любить каждый. И ты должен любить каждого, с кем потенциально можешь работать. Я получаю профильное образование, я знаю, что такое музыкальный продю-

сер, и мне посчастливилось посмотреть, как работают не только у нас. Я убеждён, что каждый заслуживает свою оплату счетов ЖКХ не пинанием члена, а отдачей своему делу на все сто. Но в России это понимает меньше людей, чем хотелось бы. В России есть просто формула «Чувак, тебе никто ничего не должен». Поэтому и мимо везде срут и срут!»

Мы все прошли через это, оказавшиеся на обочине, никому не нужные со своими записями. Мы презираем продюсеров и выпускаем пар, набрасываясь на тех, кто даже не попытался нас послушать. Или не вложил в нас денег. Сейчас мы выглядим нелепо со стороны. Причитающие, обожравшиеся макаронами придурки, неспособные встать с дивана в просторной квартире в Сан-Франциско. Но Нарек пишет хорошие песни. И он знает, о чём говорит: «Я забегаю в магазин купить сигарет к одному и тому же китайцу. И сегодня забежал. Китаец смотрел телевизор и сигареты мне продавал, глядя в экран. Какой-то центральный канал. Там говорили об этой грязной истории с Джеймсом Фоули. Ну, ты помнишь, журналиста казнили в Сирии. Мол, его зверски убили, а правительство сидит ровно. Горюющая мать Джеймса прямо обвинила американскую власть в предательстве. По телевизору. В предательстве. Власть. Но это Бог с ним, меня другое убило. Китаец плакал. Натурально ревел и говорил мне что-то в стиле: «Да что же это такое, что это за блядское правительство?» А я стоял, кивал и понимал: дядя этот живёт в одном из самых дорогих городов мира, торгует на самой длинной и проходной, пожалуй, улице, и всё у него хорошо, есть милая жена-китаянка, дети и деньги. Никто его не терзает, он мудрый, он китаец, и в кредитах не погряз. Но он настолько сопереживает людям, ощутившим несправедливость, что плачет, и говорит мне, что в его стране людей не ценят. И что нужно требовать ответа. И телевизор мне об этом говорит. И мать погибшего журналиста».

III

У меня есть теория. Чтобы лучше узнать город, надо прогуляться по нему без приятелей, знакомых и прочих спутников. И лучше не пользоваться навигатором, только в крайнем случае. Поэтому, простившись с Нареком, я пошёл шататься по Сан-Франциско. До центра доехал на автобусе, вышел в районе Пауэлл-стрит, где удобнее всего назначать встречи, несмотря на то, что лютое движение толпы по узким тротуарам напоминает невыносимую толкотню на Маросейке в Москве. Сперва я повернул к Маркет-стрит, но там нечего было делать кроме как пялиться на небоскрёбы и лавировать между людьми в пиджаках и бродягами с протянутыми руками и тележками с тряпьем. Вернулся на Пауэлл-стрит и посидел на Юнион-сквер, где была своя жизнь. Здесь всегда аншлаг, сюда приходят проматывать время, развлекаться, жрать и сидеть на скамейках и асфальте. И фотографировать пальмы на фоне небоскрёбов. Целая пальмовая роща перед Saks Fifth Avenue и Tiffany&Co.

Но меня тянет в сторону Grace Cathedral. Я вижу этот прекрасный собор издали, и меня поглощают необъяснимый восторг и абсолютное наслаждение городом. Я буквально плыву по Калифорнии-стрит, и каким-то магическим образом из всех десяти тысяч песен в плеере включается Red House Painters – «Grace Cathedral Park». Я принял это за знак, который послала мне путеводная звезда, напичканная музыкой, нашпигованная альбомами и синглами, расставленными по ассоциативному порядку. Неведомо как она отправила мне столь желанный сигнал. Я, как и все, кого восхищает мистика, преувеличиваю значение совпадений. *We walked down the hill, I feel the coming on of the fading sun. And I know for sure that you'll never be the one. It's the forbidden moment that we live that fires our sad escape and holds passion more than words can say*²⁷. Музыка Red House Painters идеально вписывается в контур города, песни Козелека выросли на улицах Сан-Франциско, их можно использовать как навигатор, если не загрузится

²⁷ слова из песни Red House Painters – «Grace Cathedral Park»: Мы спустились с холма, я чувствую приближение заходящего солнца. И я точно знаю, что ты никогда не станешь той самой. Этот запретный миг, в котором мы живём, запускает наш печальный побег и хранит страсть сильнее, чем можно выразить словами – англ.

карта. Марк Козелек правильно сделал, что уехал из Атланты в СФ. Для меня этот город – прежде всего Red House Painters и Sun Kil Moon, даже не Grateful Dead. Какой бы ни была меланхоличной «Katy song», тяжеловесной «Strawberry Hill», депрессивной «Medicine bottle», под их воздействием я влюблялся в Сан-Франциско, как обескураженный юноша, гарцующий перед возлюбленной на голове и роняющий мозги на тротуар.

Кафедральный собор Грейс гордо возвышается над районом Nob hill. Он хотя бы на уровне колоколов, приводимых в действие карильоном, осознаёт, насколько красив. Собору достаточно подслушать за прохожими. За их восторженными вздохами. Если это туристы. Да и местные, я видел, обожают его. Меня стали обижать сравнения Грейс с Собором Парижской Богоматери. Хотя сходства очевидны. Роза собора Грейс притягивает, как магнит, выделяясь среди плоских небоскрёбов. Можно вообразить, что сейчас ты наткнёшься на остров Сите, и откуда не возьмись потечёт Сена, а потом обратно закатается в асфальт. На самом деле у Грейс несколько больше связей с Шартрским собором из-за лабиринта медитаций. Внимательные туристы заметят, что бронзовые двери собора, «Врата Рая», очень похожи на ворота баптистерия Сан-Джованни во Флоренции – между сводами и фресками здесь гуляет Лоренцо Гилберти. Уголок старой Европы в центре нового света – одного из элитных районов Сан-Франциско. По соседству с собором – дорогие отели, центр масонов. В нескольких кварталах – Чайнатаун.

Сажу на скамейке в парке, спиной к собору. Прямо напротив меня – рыдающая пожилая женщина с собакой. Мелкая псина забежала за скамейку и запуталась в поводке. Женщина не обращает внимания ни на что, она всхлипывает и истерично орёт в мобильный телефон. Я ничего не могу разобрать из её слов, в которых больше слюней и соплей, чем иных членораздельных звуков. Поодаль от меня остановился мужик в привычном для этого города образе бродяги-мудреца, расчехлил банджо и заиграл жизнерадостные песни. Появляются чернокожие дети вместе с няней. Они как угорелые пробегают между скамеек, бросаются на асфальт перед входом в собор, валяются, катаются и ползают как змеи. Няня не отстаёт от них: поворачивается к ним задом и делает вид, будто она курица и высиживает яйца.

Вечером у нас встреча возле музыкального колледжа. Парни собирались выпить пива в соседнем пабе. Самое время, когда там собираются фанаты «Сан-Франциско Джайентс». Колледж и паб располагались за Мишн-стрит, в двух кварталах от здания San Francisco Chronicle. Здесь Натом-стрит выглядит неприветливо, она похожа на дурно пахнущую подворотню. Нужно было пройти мимо заброшенных машин, ржавчины и мусора, мимо подозрительных типов и бродяг на великах, предлагающих траву. У паба Tempest нас поджидали индус Джасим и мексиканец Мигель. Несмотря на всего лишь четыре часа пополудни в будний день, паб был забит битком. Мы еле нашли свободное место в закутке. Пиво и вискарь текли по трубам, всё вокруг гремело. Барную стойку захватили в плен, растянувшись вдоль неё, толстые и тонкие мужики. В пабе действовала акция: пинта пива и стопка виски за пять баксов. За 15 долларов можно было неплохо накидаться в течение часа. Мы надрывали глотки и выкручивали уши, чтобы друг друга расслышать. Все вокруг мирно болтали и ржали, но слишком громко. Официанты бегали между рядами со скоростью электропоезда. Пиво с вискарём по акции можно было взять только у барной стойки. И слава богу, потому за стойкой металась от клиента к клиенту горячая латиноамериканка. У неё была зловещая татуировка на плече и куча пирсинга на лице, большая упругая грудь, через топик проглядывали острые соски. Она явно знала себе цену. Но ей пришлось выработать вызывающе жестокий взгляд агрессивного зверя и отсекал им непрощенных гостей, потому что её все хотели.

В Москве меня соблазняла мысль о мексиканках, колумбийках или пуэрториканках, которые представлялись убийственно сексуальными. Казалось, что они все безапелляционно красивы, рождаются в горячих источниках великих страстей, что их лепят из амариллисов, золота и мёда, что получают они, если запустить аморфофаллус в петунии. На деле всё ока-

залось не так. Я встречал латиноамериканских девушек почти на каждом шагу и был страшно разочарован. Попадались неухоженные, с толстыми губищами, раздутыми ноздрями и вмятинами на лбу. Гораздо более привлекательными оказались японки. Они утончённые, стройные и одеты со вкусом. Я смотрел на них как на ходячие статуи из музея Востока и восхищался, но на расстоянии.

Латиноамериканская девочка за барной стойкой в пабе Tempest – словно вымирающий вид бережно охраняемых существ, занесённый в Красную книгу, редкий экземпляр высочайшего качества, заносчивый луч сексуальности в царстве бесформенной уродливости. Я смотрел только в её сторону – упорно искал красоту среди толпы подвыпивших реднеков, хипстеров и чернокожих, облепивших стойку бара. Джасим, Нарек и Мигель подначивали меня, но сразу предупредили, что номер не прокатит. Кто-то из знакомых пытался её склеить – безуспешно. Парни по большей части обсуждали свои студенческие дела, поэтому я мог планомерно напиваться и следить за моей латиноамериканкой. Наконец, я решился. Подошёл к барной стойке и занял место так, чтобы пиво точно налила мне она – а не её коллега. Девушка холодно приняла мой заказ и, пока наполняла кружку, явно чувствовала, что я её пожираю и раздеваю глазами. Я потерял все слова. Она была непреклонна. Ни единой искры, ни одного намека, она совсем не заинтересована в том, чтобы знакомиться на работе. Она выработала иммунитет и потому блокировала все попытки флирта, в то время как остальные продолжали сверлить её своими похотливыми зрачками. Потому что в этом городе не так много красивых женщин. Эта девчонка была одной из лучших. Я так и ушёл ни с чем.

С Нарекком мы вышли из бара, пошатываясь. Велосипед, свисающий в пивнухе с потолка, троился в глазах, казалось, что он рухнет, и какой-нибудь толстяк стащит его и покатит в город праздновать очередную победу «Джайентс». Нас несло по вечернему Сан-Франциско потоками грязи, которая в это время вываливалась на улицы города. Даунтаун СФ в тёмное время превращался в гетто, Маркет-стрит и прилегающие к ней улицы облюбовали бомжи, барыги и прочий сброд. Когда мы проходили мимо, встречая шайку за шайкой, появлялось чувство, что тебе прямо сейчас воткнут бабочку в ребро или приставят пушку ко лбу. Но нет, эти ребята даже не смотрели на нас. У них были свои неотложные дела. Их не интересовали ни наши доллары, ни наши телефоны, ни другая плохо лежащая в кармане дрянь, которую можно было бы украсть. Отличный урок по уничтожению стереотипов. В то же время это стоит назвать банальным везением: возможно, мы просто не попадали в кварталы, где таких, как мы, случайных прохожих, грабят без всяких церемоний.

Домой мы решили ехать на автобусе и не платить за проезд. Эту штуку предложил Нарек, утверждая, что не раз так делал. Мы вошли в средние двери и уселись на свободные места. Водитель автобуса смотрел прямо на нас и повторял, громче и громче: tickets²⁸! На нас таранились как на врагов, потому что автобус с места не двигался. Наконец, я не выдержал, нарыл мелочь и пошёл к водителю. Нарек сокрушался: не надо было этого делать, пошли они все в жопу. После нескольких кружек пива и стопок виски Нарек стал буйным. Я дремал, а Нарек покрывал матом всё, что можно было обматерить: «Ёбаные автобусы! Сраное дерьмо, а не страна! Ебучие Штаты! Ебучая Рашка! Музыка везде говно! Пидорасы! Никчёмные уёбки! Убожество! Днище! Дерьмо!» А потом он резко заглох и не произнёс ни звука – до конца уходящего дня.

IV

Мы жили на обочине русского района Сан-Франциско, хотя я не сразу это заметил. Следующий день мы посвятили прогулкам по здешним местам. Почти на каждом шагу встре-

²⁸ Билеты! – англ.

чался русский язык: аптека, гастроном, кафе Cinderella, где подавали borsch, pirozhki, blinchiki, pelmeni, kharcho и vareniki. В десяти минутах ходьбы от Шестой авеню, на бульваре Гири, находится Собор иконы Божьей матери «Всех скорбящих радость» (или Holy Virgin Cathedral) – крупнейший храм русского зарубежья. Его оливково-золотые купола невозможно не заметить, они величественны и при этом скромны. У прихожан тут всегда что-нибудь происходит: дни русской словесности, праздники славянской культуры, недели деревенской еды. Я с грустью смотрю на собор. В нём отражается Россия со всеми воспоминаниями. Незыблемое Лето Господне. Можно представить, что чувствовали в далёком 1812 году русские поселенцы Форта-Росс.

Русские отхватили лакомый кусок, облюбовали самый приятный район Сан-Франциско. До побережья Тихого океана – рукой подать, рядом – крупнейший парк «Золотые ворота» и недалеко – Хайт-Эшбери. Haight Ashbury – Little Russia – Ocean Beach. Я открываю Сан-Франциско с разных сторон. Здесь город – сплошной музей кайфа под открытым калифорнийским небом. Тут не встретишь небоскрёбы и суету Даунтауна. Одноэтажные или двухэтажные, разноцветные, игрушечные домики Painted Ladies²⁹. Абсолютная, безмятежная тишина.

²⁹ Разукрашенные леди – англ.

Всё, что вы думали о Сан-Франциско, как логове детей цветов, сохранилось в Хайт-Эшбери. Повернув с Шестой авеню на восток, можно забрести в этот взрывоопасный район помешанных эксгибиционистов, престарелых хиппи и уличных актёров театра сатиров и нимф под руководством леворукого Антонена Арто с фендером стратокастером. Цветные разукрашенные витрины магазинов марихуаны, пластинок и гитар, галереи свободной любви, бродяги с гитарами и косяками травы, свободолюбивые дети, подростки и старики, их время повисло над районом, как ноги резиновой куклы из окон одного из домов на Хайт-стрит. Музыка, музыка, грязный секс на траве в парке Буэна Виста, мир и дурман, антивоенная бочка мёда, взрыв добра в автобусе с дерьмом, Джими Хендрикс на ягодице Земли, белый кролик на стене ярости, розовый енот с длинными волосами, явление Будды и Диониса на углу Хайт и Бейкер-стрит, бургеры с кислотой, бензедриновые анархисты, поваренные книги, инструкции по технологиям подрыва мироустройства, многотомные камасутры, эквилибристика, тахикардия, контроверза, вакханалия, электротермические танцы, эрегированные деревья, обнажённые квартиры, самовзрывающиеся книги, опознавательные знаки героев поколения шестидесятых, забрызгавших спермой каждый миллиметр тротуара. Прогулка по Хайт-Эшбери – прыжок в прошлое, где можно застать молодость Jefferson Airplane и демонстрации протестующих против войны во Вьетнаме. Мы зависли с Нареком в магазине пластинок и чуть не разнесли его в хлам, потому что хотелось забрать оттуда всё. В парке Буэна Виста Нарек выкупил косяк у бродяги с заплывшим лицом и седыми висками. Забулдыга попросил нас подождать. Через минуту вернулся и предложил взять кислоту у другого старика. Даже не купить! Можно забрать! Задаром! Просто так! Ему понравилась шевелюра Нарека! Как у Джимми! Мы отказались. Я сказал, что найду его позже.

Там, где заканчивается Хайт-стрит и начинается Голден Гейт парк – можно лицезреть огромную зелёную поляну с клумбами людей. Нарек потерялся, сказал, что пошёл искать знающего раздолбая с первоклассной травой. Я перекинулся парой слов со студентами, передававшими косяк по кругу. Они сюда приходят каждый день. Заценили мой русский акцент. Обещали показать музей Grateful Dead. Сходить в Пресидио парк. Устроить оргию у Тихого океана. Появился Нарек, и мы пошли через весь Голден Гейт парк к Пацифику. Я обалдел от этой зелени, аккуратных газонов, спортивных площадок, гладких дорог, сладко пахнущей секвойи. Мне захотелось завести здесь семью, заделать детей и водить их в парк дышать свежим воздухом и играть в футбол. Лавировать между велосипедистами. Тысячи их. На баскетбольной площадке танцуют хип-хоп чернокожие. Обычный день гедонистов из Сан-Франциско.

Но вот океан. Тихий, бескрайний, холодный. Могущественный. Здесь лучше остановить все слова. Что может чувствовать человек, который только что познакомился с Pacific Ocean? Который только что чуть не провалился в песок. Которого чуть не смыло водой. Который забрался на скалы и откупорил бутылку виски. И так бы сидел он здесь, не переставая глядеть на океан, наблюдая за тем, как вода медленно ласкает берег, как в шуме набегающих волн открывается божественная мудрость, и нужно быть океаном, чтобы её постичь. Здесь нужно остановить все слова и мысли, воспоминания, мнения, суждения, сентенции, теории, принципы, регламенты, постулаты, замечания, утверждения, сомнения, требования, голосования, позиции, реплики, ремарки, пометки, исправления, письма, звонки, беседы, коммуникации, прикосновения, объятия, соития, прибытия, отъезды, свадьбы, похороны, разводы, молитвы, соревнования, состояния и прочие многозначные и не значащие ничего вещи. Одно сплошное созерцание, растворение, проникновение в небытие, которое поглощает все синонимы и антонимы. Для тебя, для тебя этот солнечный свет. Для тебя эти горы, небеса и рассвет. Для тебя, для тебя, этот солнечный свет. Ты прости меня, Боже, я-то знаю ответ. Я думаю, Михей присмотрел тут себе местечко. И поёт про Джуманджи всем слетающимся сюда бродягам потустороннего мира. Болтаясь между нами, трогая нас, но мы этого не чувствуем. Мы чувствуем, как океан швыряет волны этому городу в лицо. Нам в лицо. Мы подставляем его под удар. Поз-

воляем океану разбить его в кровь, в месиво человеческих заблуждений и страстей, которые необходимо смыть. И пока солнце со скоростью червяка падает за горизонт, у нас есть шанс прожить лучшее мгновение дня. Нам было необязательно хлестать виски, чтобы напиться и уйти отсюда пьяными. Для кого-то это всё обыденное дело. Частные дома стоят прямо через дорогу от пляжа. Кому-то повезло приходиться сюда каждый день. Но мы не будем стучаться в их двери и спрашивать, осталось ли что-то в них от первоначального восторга и удивления. Мне просто дико хочется понять самому, что это значит – жить всю жизнь – или хотя бы малую её часть – на берегу Тихого океана. Станет ли это для меня привычной картиной мира. Или я по-прежнему буду заниматься мистицизмом. Как сейчас. *You realize the sun doesn't go down. It's just an illusion caused by the world spinning round*³⁰. *Kiss Pacific Ocean with your flaming lips*³¹.

На обратном пути мы внезапно наткнулись на синагогу. Добрый бородатый раввин Лёва пригласил нас зайти внутрь, но мы отказались, потому что еле стояли на ногах. Мы сказали, что придём в следующий раз.

V

Теперь я знаю этот город достаточно хорошо и не заблужусь ни при каких обстоятельствах. Таких городов у меня четыре. Москву мы исходили вдоль и поперёк. Все улицы и переулки центра мы помечали на карте, не глядя в неё. Карта памяти Москвы прогружается в голове даже с бодуна. Вот здесь, через Яковоапостольский переулок, мы выходили на Лялин и проулками, по Барашевскому, доходили до Покровки, минуя церковь Введения Пресвятой

³⁰ слова из песни The Flaming Lips – «Do You Realize?»: Представь, что солнце не заходит. Это просто иллюзия, вызванная вращением мира – англ.

³¹ Целуй Тихий океан своими пылающими губами – англ.

Богородицы во храм. В районе разъединения бульваров можно было выбрать, куда идти. Если налево, то Покровский бульвар приведёт тебя в конечном счёте к Котельнической набережной, а там, если будет желание, можно перейти Большой Устьинский мост и последовать по Раушской набережной вдоль Москвы-реки. Если направо, то Чистопрудный бульвар выведет тебя к Мясницкой, предложит пересечь Тургеневскую площадь и завернуть на проспект Академика Сахарова, либо продолжить путь по Сретенскому бульвару, Рождественскому, Петровскому, Страстному и далее по бульварному кольцу. Если прямо, то можно вместе с Покровкой перетечь в Маросейку, там, где вливаются друг в друга Старосадский и Армянский переулки, и выйти к станции метро «Китай-Город». И потеряться среди быстробегущей толпы и быстролетающих машин, обдумывая, повернуть ли направо, к улице Мясницкой, либо налево – к Ильинским воротам, «Китайскому лётчику Джао Да» и Варварке. Либо спуститься к подземке и пойти прямо на Ильинку. Сейчас я бы выбрал второй вариант, но повернул бы налево ещё на Спасоглинищевском переулке, который провёл бы меня мимо Московской хоральной синагоги к улице Солянке, но тогда я взял и повернул бы в сторону Славянской площади, а там самое время броситься на Варварку, пройти мимо Зарядья, взглянуть, как разбивают парк на месте, где царапало небо и портило вид здание ГЦКЗ Россия, и пройтись по Большому Москворецкому мосту, либо вернуться к Гостиному двору и, виляя между проулками, выйти к Никольской улице, которая в 2014 году засияла и заблестела: я успел застать её расширенной, отреставрированной и пешеходной. Мало кто знает, насколько тихой и приятной может быть Москва в центре. Мы очень многое узнали о ней, о её полифонии, разноцветных платьях и других секретах.

Было время, когда Санкт-Петербург мистически воздействовал на юношей и девушек, начитавшихся Достоевского и наслушавшихся русского рока. Мода на грязные парадные Питера нулевых, набережные Невы, на поребрики вместо бордюров, на хабарики, которые шипят под каблуком. Мы все слишком рано прочитали «Преступление или наказание» и представляли себя Раскольниковым, шляющимся по Гороховой улице и теряющимся на Сенной площади. Гоголя мы прочитали ещё раньше, поэтому некоторые воображали себя Пискарьевым, пропавшим в толпе на Невском проспекте. У каждого, в сущности, был свой Петербург, и очень часто книжный. Петербург Белого, Петербург Мережковского, Петербург Аствацатурова, Петербург Стогова. Питер был музыкальным. Нас тянуло на Рубинштейна 13, на Ротонду, на так называемую улицу Джона Леннона во дворе на улице Пушкинской. Мы помним, как школьниками нас водили по Литейному, и мы ловили портреты Виктора Цоя на жёлтых стенах. Как ходили теми же дорогами, по которым в течение известных четырнадцати дней бродил Родион Романович. Застревали на Кокушкином мосту. Сворачивали с Вознесенского проспекта на набережную Фонтанки. Поднимались на чердак дома номер пять в Столярном переулке. Видели маляров в парадной, спускающихся впереди нас. Это всё приводило в восторг. Но таким Петербург оставался в юношестве, а затем приобретал новые черты. И мы скорее походили на героев фильма «Прогулка», за один день повидавших всевозможные улицы и дома центрального Петербурга. Традиция – каждый год приезжать в Питер хотя бы один раз. Чаще всего это были шумные компании. Концерты. Пьянство на Фонтанке. Мне нравилось играть в петербуржца. Я выходил из рассыпающегося дома на Обводном канале, сворачивал на Черняховского, чтобы не пропасть без вести на переполненном Лиговском, убегал на Разъезжую, брал правее на Марата, а затем дворами добирался до Рубинштейна, там уже пахло близостью Фонтанки, набережной, на которой всегда хотелось жить. Фонтанка постоянно вела меня к Инженерной или Итальянской, там можно было выбрать любой из близлежащих скверов и передохнуть, выпить холодного сидра, потрепаться с Максимом или Ксенией. Или с ними обоими. Можно было дойти до Михайловского сквера, что интереснее, или Михайловского сада, что лучше. Последний выводил нас к Мойке и каналу Грибоедова, и тут мы ломали голову, куда идти, потому что вариантов продолжения прогулки возникало множество. Но лично меня

тянуло к Дворцовой набережной. Я любил глядеть на Ростральные колонны, и пусть лучше Биржевая площадь остаётся по ту сторону Невы. А потом всё повторялось снова: Казанский собор хостел «Друзья» Зингер Бар Ливерпуль Чёрная речка улица Седова и её беспросветная канава и ряды алкашей – позавчера я окончательно сорвался в поганую полусмерть на углу Лиговского и набережной Обводного канала в отделении для буйных проснувшись *simex lectularius*³²

³² постельными клопами – лат.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.